

Russian Journal of Comparative Law

Has been issued since 2014. ISSN 2411-7994
2014. Vol. (2). Is. 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation (Editor in Chief)
Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation
Mamadaliyev Anvar – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Katorin Yurii – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation
Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarusian State, Minsk, Belarus
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: **OAJI**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal41.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 20.12.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № RJCL-2.

© Russian Journal of Comparative Law, 2014

Russian Journal of Comparative Law

2014

Is.

2

Издается с 2014 г. ISSN 2411-7994
2014. № 2 (2). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бирюков Павел – Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация (Главный редактор)

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Мамадалиев Анвар – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Каторин Юрий – государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Беларусский государственный университет, Минск, Беларусь

Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: **ОАИ**

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal41.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 20.12.14.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № RJCL-2.

C O N T E N T S

Articles and Statements

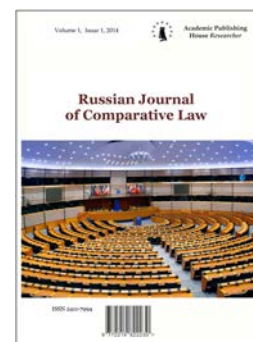
General Directions of Ministry of Foreign Affairs and International Development of France Pavel N. Biriukov	40
Cooperation of Customs Service of the Czech Republic with Customs Authorities of the Foreign States Ekaterina A. Khalapyan	46
Distinguishing the Institutes of Fundamental Change of Circumstances and Impossibility of Performance in Republic of Armenia Civil Law Hayk G. Malkhasyan	60
Requirements for Advertising in Armenia and Abroad Levon A. Sargizov	71
Issues of State Responsibility for Committing an Internationally Wrongful Act by the Predecessor State Eduard S. Sargsyan	80

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 2, Is. 2, pp. 40-45, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.2.40
<http://ejournal41.com>

Articles and Statements

UDC 342.92

General Directions of Ministry of Foreign Affairs and International Development of France

Pavel N. Biriukov

Voronezh State University, Russian Federation
394033, Voronezh, Universitetskaja, pl. 1
Doctor of Legal Sciences, Professor
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Abstract

The article deals with the Ministry of Foreign Affairs and International Development of France. There are in the Frances Ministry of Foreign Affairs and International Development the following general directorate: General Directorate for Political Affairs and Security; United Nations and International Organizations Directorate; Directorate for Strategic Affairs, Security and Disarmament; Directorate for Security and Defence Cooperation; Continental Europe Directorate; Directorate for North Africa and the Middle East; Directorate for Africa and the Indian Ocean; Directorate for the Americas and the Caribbean; Directorate for Asia and Oceania; Communication and Information Directorate. A number of national instruments, which regulates activity of Frances Ministry is given. In particular, it analyzes the provisions of the decrees of government of France. The main attention is paid to the description of the existing structure of Ministry and to the order of their activities.

Keywords: France; Ministry of Foreign Affairs and International Development of France; Minister; General Direction; General Directorate for Political Affairs and Security; United Nations and International Organizations Directorate; Directorate for Strategic Affairs, Security and Disarmament; Directorate for Security and Defence Cooperation; Continental Europe Directorate; Directorate for North Africa and the Middle East; Directorate for Africa and the Indian Ocean; Directorate for the Americas and the Caribbean; Directorate for Asia and Oceania; Communication and Information Directorate.

Введение

В настоящее время структура и деятельность французского МИДа регламентируется Декретом Премьер-министра Франции № 2012-1511 от 28 декабря 2012 г. [1]. Кроме того, МИД руководствуется также следующими нормативными актами: Декрет № 53-192 от 14 марта 1953 г. [2], Декрет № 76-990 от 2 ноября 1976 г. [3], Декрет № 79-433 от 1 июня 1979 г. [4], Декрет № 79-936 от 2 ноября 1979 г. [5], Декрет № 87-389 от 15 июня 1987 г. [6] и других.

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали официальные документы Франции, материалы журнальных публикаций и архивы.

В процессе исследования были использованы основные методы познания: проблемно-хронологический, историко-ситуационный, системный и сравнительного правоведения. Рассуждения автора строятся на базе проблемно-хронологического подхода. Использование историко-ситуационного метода позволило воспроизвести оценку подхода Франции к проблеме деятельности французского МИДа. Метод сравнительного правоведения определяет разницу во взглядах на действующие ныне международно-правовые и внутригосударственные нормы о функционировании аппарата Кэ д'Орсе. Применение системного метода делает достижения различных дисциплин (административного права, международного права) доступными и сравнимыми, поскольку настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

Обсуждение

Ключевой структурной единицей МИДа являются генеральные дирекции. Каждая дирекция предназначена для реализации одной или нескольких функций министерства. Возглавляет это подразделение директор, который назначается специальным декретом Совета министров в соответствии со ст. 13 Конституции.

Руководители генеральных дирекций, в отличие от министров, не уходят в отставку с приходом нового Министра иностранных дел. Они сохраняют свои полномочия, за исключением права подписи, делегированного предыдущим министром. Все это делает дирекции достаточно автономными образованиями. Нередко это положение влечет внутриминистерский "сепаратизм". Вспомним ситуацию в 2010 года, когда МИД возглавляла Мишель Аллио-Мари.

В соответствии с Декретом Премьер-министра № 2012-1511 от 28 декабря 2012 г. [8] относительно организации центральной администрации МИД Франции аппарат МИД включает в себя:

I. - Генеральный секретариат во главе с Генеральным секретарем Министерства иностранных дел (*Le secrétariat général, dirigé par le secrétaire général du ministère des affaires étrangères*).

II. - Службу протокола (*Le protocole*), Генеральную инспекцию иностранных дел (*l'inspection générale des affaires étrangères*), аналитический центр, отдел прогнозирования и стратегии и кризисный центр, подчиненных непосредственно Министру.

III. - Генеральную дирекцию по политическим вопросам и безопасности (*la direction générale des affaires politiques et de sécurité*). Именно руководством этой дирекции была выдвинута инициатива об отказе России в поставках вертолётносцев «Мистраль» в сентябре 2014 года.

Это подразделение включает в себя: а) Дирекцию ООН, международных организаций, права человека и франкофонии (*la direction des Nations unies, des organisations internationales, des droits de l'homme et de la francophonie*); б) Управление по стратегическим вопросам, безопасности и разоружения (*la direction des affaires stratégiques, de sécurité et du désarmement*); в) Дирекцию сотрудничества по безопасности и обороне (*la direction de la coopération de sécurité et de défense*).

В данную Генеральную дирекцию по решению Генерального директора входят также т.н. "территориальные" Дирекции: континентальной Европы; Африки и Индийского океана; Северной Африки и Ближнего Востока; Америки и Карибского бассейна; Азии и Океании.

IV. Генеральная дирекция ЕС (*la direction de l'Union européenne*), которая занимается взаимодействием с Евросоюзом и его структурами.

V. - Генеральная дирекция по вопросам глобализации, развития и партнерства (*la direction générale de la mondialisation, du développement et des partenariats*). Она состоит из дирекций: предпринимательства и международной экономики; развития и глобальных публичных благ; культурного сотрудничества, академических и научных исследований; программ и сетей.

VI. Генеральная дирекция по вопросам администрации и модернизации (*la direction générale de l'administration et de la modernisation*). В ее в составе находятся дирекции: человеческих ресурсов; финансовых дел; информационных систем; недвижимости и логистики.

VII. Дирекция "зарубежной" Франции и консульской администрации (*la direction des Français à l'étranger et de l'administration consulaire*). Оно включает в себя: французская служба за рубежом; служба предоставления услуг, гражданских дел и правовой помощи).

VIII. Другие дирекции (*les directions suivantes*). В их числе: по правовым вопросам; связи и прессы; архивов.

Таким образом, Генеральные дирекции непосредственно курируют деятельность Министерства иностранных дел и зарубежных органов внешних сношений Франции.

В системе МИД имеются и другие структурные подразделения, которые непосредственно не входят в структуру дирекций, но подчиняются последним – делегированные представители и секретариаты [7].

Помимо дирекций в МИДе учреждена специальная инспекция, на которую возложены функции внутреннего контроля – инспекция иностранных дел, возглавляемая генеральным инспектором, который выбирается из числа полномочных министров и назначается на должность декретом Совета Министров [8]. Данная инспекция контролирует деятельность всех подразделений министерства. Министр поручает генеральному инспектору и подчинённым ему инспекторам проведение различного рода проверок, в ходе которых исследуется качество и эффективность административной деятельности, расследуются проступки, совершаемые сотрудниками министерства, выявляются недостатки в деятельности инспектируемых отделов и т.д. Общее руководство деятельностью данной инспекции осуществляет министр. Однако фактически инспекционным корпусом руководит директор министерского кабинета [9].

Помимо упомянутых подразделений в структуру министерства иностранных дел входят два специализированных центра – кризисный центр и центр анализа, прогнозирования и стратегии.

Кризисный центр координирует деятельность министерства во всех вопросах, связанных с международными кризисами и кризисными ситуациями с участием французских граждан либо связанных с оказанием гуманитарной помощи [10]. Кризисный центр был создан 1 июля 2008 года в результате слияния отдела безопасности и службы гуманитарной деятельности – и успешно функционирует до сих пор. Сотрудники центра обеспечивают его круглосуточную работу и связь с другими министерствами и службами. Именно он является структурой, ответственной за ожидание, прогнозирование, предупреждение и управление кризисными ситуациями, происходящими за пределами страны, угрожающими безопасности французских граждан за рубежом и требующими определённой оперативной реакции. Так, в частности, данный кризисный центр руководил эвакуацией французских граждан из различных регионов Индии до аэропорта Нью-Дели и затем во Францию во время мощных наводнений августа 2010-го года. Центр поддерживал постоянный контакт с индийской армией, особое внимание уделяя эвакуации населения из сельских районов, в которых на тот момент проживали десятки граждан Франции. Непосредственный мониторинг ситуации кризисный центр осуществлял после крушения лайнера «Коста Конкордия». Сотрудники центра лично следили за эвакуацией французских граждан с борта терпящего бедствие судна, контролировали их размещение в спасательных шлюпках, вдоль и поперёк прочесали корабль, чтобы убедиться, что все французы его покинули, и поддерживали контакт с их семьями, в т.ч. через СМИ.

Кризисный центр состоит из двух частей: ситуативного центра и управления по чрезвычайным ситуациям. Ситуативный центр ведёт постоянный мониторинг ситуации во всём мире, анализирует политическую, сейсмологическую, эпидемиологическую информацию в тесном сотрудничестве с рядом кризисных центров стран-партнёров и с политическими международными органами. Кроме того, центр осуществляет выпуск информационных бюллетеней «Советы путешественникам», весьма востребованные как бизнесменами, так и широкой общественностью [11].

Управление по чрезвычайным ситуациям, в свою очередь, включает в себя два подразделения: блок поддержки управления чрезвычайными ситуациями, который

отвечает за распределение человеческих и материально-технических ресурсов в чрезвычайных ситуациях, и блок индивидуальных дел, который занимается расследованием исчезновений, смертей и похищений французов за рубежом.

Центр анализа, прогнозирования и стратегии является, если можно так выразиться, «мозговым центром» всего министерства. Это структура, ответственная за проведение анализа международной обстановки, формирование рекомендаций по вопросам внешней политики, представление страны в аналитических европейских и международных центрах. Данный центр был основан 18 мая 1974 года по воле министра иностранных дел Мишеля Жобера и изначально имел своей целью разработку внешнеполитической линии французского правительства с учётом долгосрочной перспективы через выполнение следующих задач: внесение вклада в подготовку решений в области внешней политики, анализ существующих международных проблем и проведение полномасштабных прогностических исследований по разработке среднесрочной и долгосрочной позиции в области международных отношений.

В настоящий момент перед центром поставлены следующие задачи:

1. Анализ эволюции международной ситуации и проблем, которые могут возникнуть на международном уровне в среднесрочной и долгосрочной перспективах, в т.ч. анализ экономических, религиозных и демографических показателей. Данный анализ должен проводиться с позиций экономики, стратегии, военного дела, географии, политологии, истории и т.п.

2. Выработка рекомендаций для министра иностранных дел по вопросам ведения внешней политики в долгосрочной перспективе.

3. Поддержание выгодного взаимобмена информацией и кадрами между административными и университетскими кругами. Референты центра работают в тесной взаимосвязи с различными европейскими и французскими образовательными учреждениями, следят за эффективностью представительств французских учреждений за границей, осуществляют примерную подборку будущих административных кадров. Несмотря на небольшой размер структуры, данный центр приобрёл с самого момента своего создания репутацию «питомника» молодых интеллектуалов и дипломатов. К участию в его программе РІРА («Программа приглашения персонала будущего») ежегодно приглашаются около сотни молодых лидеров и учёных из более чем сорока стран, с которыми в дальнейшем устанавливаются долгосрочные отношения. Возможно, именно этой молодёжи в будущем предстоит сформировать облик современной Франции [12. Р. 109-111].

Центр оригинален, самобытен и независим в своей работе. Команда сотрудников состоит не только из профессиональных дипломатов, но также и из учёных, военных, лингвистов, психологов и сотрудников разнообразных ведомств. Для своей аналитической работы центр использует не только обычные дипломатические каналы, но и черпает информацию при поддержке исследовательских университетов, аналитических и специализированных служб как во Франции, так и в других странах, пользуется внешними информационными источниками правительства. Всё это делает его центром независимого, непредвзятого анализа, в котором нередко формируется критическое отношение к проводимой действующим правительством политике. Его ключевая миссия в свете сказанного заключается в предложении альтернативных и новых идей для правительства.

И, наконец, последняя структура в министерстве иностранных дел – это протокольная служба. В настоящий момент её возглавляет Лоран Стефанини, и это основной координирующий орган в стране, который возглавляет централизованную протокольную систему и проводит единую государственную политику в протокольном обеспечении. К задачам протокольной службы относятся, в частности, контроль за соблюдением Венской конвенции о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории Франции, защита интересов французских дипломатов за рубежом, участие в разработке предложений и осуществлении мероприятий протокольного и организационного характера при визитах за границу первых лиц государства, а также при визитах во Францию первых лиц иностранных государств, изучение и обобщение международной протокольной практики и т.п.

Заключение

В целом, описанная структура МИДа Франции не является постоянной и статичной. Право определения структуры министерства принадлежит министру – это конституционный обычай, подкреплённый судебной практикой. Эти положения запрещают премьер-министру вмешиваться в решение вопросов структуры и организации министерств. Соответствующие полномочия реализуются министром иностранных дел дискреционно, по своему усмотрению [13. P. 100].

Примечания:

1. Décret n° 2012-1511 du 28 décembre 2012 portant organisation de l'administration centrale du ministère des affaires étrangères // <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000026858905&dateTexte=&categorieLien=id>

2. Décret n° 53-192 du 14 mars 1953 modifié relatif à la ratification et à la publication des engagements internationaux souscrits par la France // http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=9295E8CA0871C88A489775ECCDE23996.tpdila13v_1&dateTexte=?cidTexte=JORFTEXT000000491782&categorieLien=cid

3. Décret n° 76-990 du 2 novembre 1976 fixant les attributions du secrétaire général du ministère des affaires étrangères // http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=9295E8CA0871C88A489775ECCDE23996.tpdila13v_1&dateTexte=?cidTexte=JORFTEXT000000689920&categorieLien=cid

4. Décret n° 79-433 du 1er juin 1979 relatif aux pouvoirs des ambassadeurs et à l'organisation des services de l'Etat à l'étranger // http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=9295E8CA0871C88A489775ECCDE23996.tpdila13v_1&dateTexte=?cidTexte=JORFTEXT000000516462&categorieLien=cid

5. Décret n° 79-936 du 2 novembre 1979 relatif à l'inspection générale des affaires étrangères //

http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=9295E8CA0871C88A489775ECCDE23996.tpdila13v_1&dateTexte=?cidTexte=JORFTEXT000000878148&categorieLien=cid

6. Décret n° 87-389 du 15 juin 1987 modifié relatif à l'organisation des services d'administration centrale // http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?jsessionid=9295E8CA0871C88A489775ECCDE23996.tpdila13v_1&dateTexte=?cidTexte=JORFTEXT000000700561&categorieLien=cid

7. Décret N° 0197 du 26 août 2014 relatif à la composition du Gouvernement // <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000029405481>.

8. Décret N° 2012-1511 du 28 décembre 2012 portant organisation de l'administration centrale du ministère des affaires étrangères // <http://www.legifrance.gouv.fr/eli/decret/2012/12/28/MAEA1240770D/jo/texte>.

9. Décret N°79-936 du 2 novembre 1979 creation de l'inspection generale des affaires étrangères // <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000878148>.

10. La gestion des crises : une question de solidarité, d'influence et de sécurité (2 juillet 2008) // http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/29-Centre_de_crise-plaquette.pdf.

11. Conseils aux voyageurs // <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/conseils-aux-voyageurs>.

12. Taillé Christine, Guérin Mathilde Le programme «Personnalités d'avenir» du Quai d'Orsay: un effort pour identifier les interlocuteurs étrangers et en faire des partenaires // *Revue internationale et stratégique*. – 2003. - N° 52.

13. Tourais A., Tourais K. Les agents diplomatiques et consulaires. – Paris: Plon, 2012.

УДК 342.92

Генеральные дирекции Министерства иностранных дел и международного развития Франции

Павел Николаевич Бирюков

Воронежский государственный университет, Российская Федерация

394000, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Доктор юридических наук, профессор
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы различные аспекты структуры и функционирования МИД Франции. Во французском Министерстве иностранных дел и международного развития имеются следующие генеральные дирекции: генеральная дирекция по политическим вопросам и безопасности; генеральная дирекция ООН и международных организаций; генеральная дирекция стратегических вопросов, безопасности и разоружения; генеральная дирекция сотрудничества в сфере безопасности и оборон; генеральная дирекция по вопросам Европы; генеральная дирекция для Северной Африки и Ближнего Востока; генеральная дирекция для Африки и Индийского океана; генеральная дирекция для Америки и Карибского моря; генеральная дирекция для Азии и Океании; генеральная дирекция по коммуникации и информации. В статье исследуется большое число правовых норм, которые регламентируют деятельность французского МИДа и подведомственных ему структур. Большое внимание уделяется изучению внутренней организации деятельности Министерства.

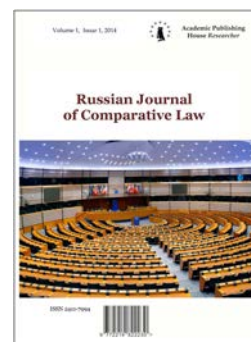
Ключевые слова: Франция, Министерство иностранных дел и международного развития Франции, Министр, Генеральная дирекция.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 2, Is. 2, pp. 46-59, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.2.46
<http://ejournal41.com>

UDC 351.87

Cooperation of Customs Service of the Czech Republic with Customs Authorities of the Foreign States

Ekaterina A. Khalapyan

Voronezh State University, Russian Federation
PhD student
E-mail: xea-fond@yandex.ru

Abstract

This paper deals with the activity of the Customs Service of the Czech Republic. Borders of the EU are abolished between member countries in relation to the trade of all goods (Article 28 of the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU)). Between member countries customs duties, or charges having a similar effect, are forbidden.

The author analyzes three main directions of cooperation of the Customs Service with foreign customs offices: a) interaction in the field of customs affairs; b) legal assistance in administrative "customs" matters; c) legal assistance in criminal "customs" matters.

This article brings to light the regulation of the cooperation within the EU between customs services at the present stage. There is a balance between the rights and obligations for prevention of violations of the customs legislation and timely information support. National customs authorities are recommended to exchange important information on their own initiative.

The Czech Customs Service uses all opportunities given by international treaties with the third states. The fact of carrying out the Customs Service of joint international operations testifies to efficiency of its activity. It raises thanks to high-quality interaction of law enforcement agencies, the anticipatory information arriving from colleagues, and also coordination in actions when carrying out joint actions.

Keywords: the EU customs union, customs duties at the borders between EU countries, Customs Service of the Czech Republic, legal assistance in administrative "customs" matters, legal assistance in criminal "customs" matters.

Введение

В рамках ЕС вопросы сотрудничества между таможенными службами государств регулируются, по большей части, документами институтов ЕС [1]. При этом нормы права евроинтеграции имеют приоритет перед национальными в сфере, переданной в исключительную (ЕС) или совместную компетенции ЕС и государств (ст. 5 ДЕС). Исходя из верховенства права ЕС, если одна сфера общественных отношений регулируется правом европейской интеграции и национальным законодательством, право ЕС должно применяться в первую очередь [2]. В свою очередь, национальные правовые нормы могут применяться постольку, поскольку они соответствуют праву ЕС в пределах переданной ЕС

компетенции. Вице-Президент Еврокомиссии, Еврокомиссар по юстиции В. Рединг подчеркивает: "Верховенство права ЕС является одним среди ряда принципов, которые вместе рассматриваются как опоясывающие Евросоюз и общие для стран-членов ЕС" [3].

Материалы и методы

Основным источником для написания статьи стали документы ЕС, законодательство Чешской Республики, материалы журнальных публикаций и архивы.

В процессе исследования были системный метод и метод сравнительного правоведения. Высказывания автора базируются на основе историко-ситуационного подхода к изучению проблем таможенного права ЕС и Чехии. Использование метода компаративистики определяет оценку норм чешского права по вопросу сотрудничества таможенных органов ЕС с ТС Чехии. Применение системного метода делает возможным оценить правила чешского права в сфере таможенного дела.

Обсуждение

Как известно, в ЕС таможенное дело передано в исключительное ведение Евросоюза. Глава 2 ДФЕС (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) обеспечивает правовую основу для развития сотрудничества таможенных органов государств ЕС. В этой области национальное законодательство применяется, когда оно конкретизирует и дополняет положения правовых актов институтов ЕС или регулирует вопросы, не урегулированные на союзном уровне [4]. Например, специальные процедуры были установлены гл. 2 ТК Союза для определения происхождения и стоимости товаров. Кроме того, осуществление таможенного контроля процедуры транзита проводится с помощью форм, изложенных в законодательстве и в других дополнительных документах рекомендательного характера [5]. Кроме того, как ЕС, так и Чешская Республика, как государство-член ЕС, заключили множество международных договоров в сфере таможенного дела.

Можно выделить три основных направления сотрудничества ТС Чехии с зарубежными таможенными учреждениями: а) взаимодействие в области таможенного дела; б) помощь в производстве по делам об административных "таможенных" правонарушениях; в) помощь в расследовании "таможенных" преступлений. Рассмотрим эти направления подробнее.

1. Сотрудничество Таможенной службы Чехии с таможенными администрациями государств Европейского Союза

А) Сотрудничество в области таможенного дела

С момента вступления Чехии в ЕС потребовалось усиления работы в области координации участия чешских представителей в работе органов Союза. В 2004 г. был утвержден Приказ Генерального директора Главного Таможенного Управления ТС Чехии «О правилах представительства интересов Таможенной службы Чешской Республики в институтах ЕС» [6]. По этому Приказу в ГТУ ТС Чехии была создана Подгруппа ведомственной координации (далее - ПВК), включающая в себя отделы международного сотрудничества (№ 201) и отдел по связям с общественностью (№ 202) ГТУ. ПВК осуществляет системную координацию участия экспертов по управлению таможенным администрированием в совещаниях в рамках ЕС. Члены ПВК принимали участие в регулярных заседаниях рабочих групп и комитетов Совета и Еврокомиссии. Для обеспечения деятельности ПВК были организованы регулярные встречи так называемого "расширенного состава ПВК", который еженедельно проводится в ГТУ, по координации передачи информации и подготовки переговоров в сфере таможенного администрирования в рамках ЕС.

Отдел международного сотрудничества ГТУ ТС Чехии курирует участие экспертов в переговорах по отдельным вопросам таможенного администрирования в рамках ЕС и сотрудничество с Постоянным представительством Чехии при ЕС в Брюсселе. Следующей задачей является также обеспечение участия членов ПВК в заседаниях Координационной ведомственной группы Минфина во главе с заместителем Министра финансов по делам ЕС. Отдел ведет протоколы заседания подгруппы, впоследствии размещая их во внутриведомственной сети таможенной службы Чехии, включая доклады о проведенных международных встречах.

Отдел 20 обеспечивает представительство Чешской Республики в переговорах в рамках ЕС, касающихся таможенной политики, направляя своих представителей и обеспечивая продвижение интересов Чехии. Международный отдел также координирует представительство Чешской Республики в Рабочей группе по таможенному сотрудничеству, Рабочей группе по Таможенному союзу, отдельным разделам Таможенного кодекса и в других рабочих совещаниях, организованных Советом ЕС и Еврокомиссией [7].

ТС Чехии также была представлена в совместных проектах структур ЕС. Так, в рамках Рабочей группы ЕС по таможенному сотрудничеству ГТУ приняло участие в реализации: а) Плана действий по таможенному сотрудничеству в правоохранительной сфере на период с 1 июля 2011 – по 31 декабря 2012 г.; б) Плана действий по борьбе с таможенными правонарушениями, связанными с использованием Интернета [8]. Указанные проекты были успешно завершены в декабре 2012 года.

ТС Чехии активно участвовала в обсуждении Стратегии будущего сотрудничества в области таможенной правоохранительной деятельности в декабре 2011 г. [9]. Представленный ею проект лег в основу Стратегии, которая формирует основу для развития сотрудничества между таможенными и другими правоохранительными органами и "агентствами ЕС по внутренним делам". Например, в 2012 году ТС Чехии предупреждала возможных нарушениях таможенных правил агентства ЕС - ОЛАФ [10] (3 информации) и Европол (1), Фронтекс [11] (2).

В мае 2014 года международный отдел ГТУ обеспечил участие чешской таможенной службы в деятельности Рабочей группы по таможенному сотрудничеству, которая обсуждала меры по имплементации ТК Союза 2013 г. в странах ЕС [12].

Разнообразные программы Евросоюза в сфере таможенного регулирования способствуют тому, чтобы применение законодательства осуществлялось единообразно всеми государствами-членами, а сотрудничество между таможенными службами государств-членов всё более развивалось. Чешская ТС принимает самое активное участие в реализуемых инициативах. Рассмотрим некоторые примеры этого участия.

Одной из таких инициатив является программа Twinning [13]. Twinning является инструментом сотрудничества между государственными административными органами государств-членов ЕС и странами-бенефициарами - это кандидаты на членство в ЕС, а также страны, входящие в Европейскую политику соседства [14]. Программа Twinning призвана обеспечить поддержку имплементации и обеспечения соблюдения права ЕС (т.н. Community Acquis). Она также направлена на внедрение передовых практик, сложившихся в рамках ЕС в деятельность органов власти стран ЕС, способствуя установлению долгосрочных отношений.

Программа Twinning стартовала для Чехии в 2003 году. Целью проекта для Чехии являлась обеспечение эффективного взимания таможенных пошлин в бюджет ЕС. Она включала в себя развитие системы мониторинга, регистрации, сбора и перечисления традиционных собственных ресурсов. В проекте участвовали представители таможенных служб Чехии, Германии и Словении. Программа была нацелена на подготовку нового законодательства Чехии в области налогов и акцизов, а также его практическую реализацию. В рамках программы осуществлялось реформирование законодательной и институциональной базы налогового и таможенного администрирования в Чешской Республике и других государствах-кандидатах.

Программа была разделена на несколько этапов. В 2003 году был проведён ряд мероприятий по анализу коммунитарного таможенного законодательства, применению единого таможенного тарифа ЕС и использования соответствующих единых баз данных, в том числе TARIC, ТС Чехии. В 2004 году, группа чешских таможенников посетила Таможенную службу Франции. В Чехии в рамках программы было проведено три семинара по организации сбора акцизов в ЕС.

В рамках программы Twining были проведены два направления оценки. А) Жалобы на решения таможенных органов. В этой связи производились сравнение и оценка процедур возмещения ущерба в странах-участницах ЕС. Проект продлился до сентября 2005 года и в нём приняли участие представители таможенных служб Чехии, Германии и Великобритании. Б) Собственные ресурсы. Были проведены разъяснение вопросов, связанных с взиманием налогов и акцизов, консультирование относительно

законодательства ЕС в таможенной сфере. Осуществлялось разъяснение новых союзных правил для бизнес-общественности. *Twining* был завершён итоговыми семинаром и пресс-конференцией.

ТС Чехии является одной из наиболее активных в отношении числа рабочих визитов к коллегам из-за рубежа. В частности, в 2013 году были осуществлены свыше рабочих визитов в таможенные службы стран-членов ЕС, а также стран-кандидатов. С другой стороны, Чешская ТС приняла свыше 100 сотрудников коллег из стран ЕС и стран-кандидатов. Интерес к посещению подразделений ТС Чешской Республики говорит о хороших результатах ее деятельности и заинтересованности других стран в приобретении чешского опыта работы.

Программа «*Customs 2013*» [15] нацелена на развитие деятельности таможенных администраций стран-членов ЕС с целью равномерного и эффективного осуществления таможенного законодательства, в том числе методов реализации, соразмерных с новыми тенденциями в сфере таможенного дела, являются важными направлениями в функционировании таможенного дела в рамках ЕС.

«Таможня-2013» обеспечивает законодательную и финансовую основу безопасности в рамках ЕС и на внешних границах, борьбы с фальсификацией и защиты финансовых интересов ЕС и государств-членов, повышения конкурентоспособности европейского бизнеса.

Реализация «Таможни 2013» происходит на основании годовых планов, которые обсуждаются на заседаниях членов, участвующих в программе, и утверждаются каждый год в ходе следующих встреч Руководящего комитета осенью. Действие Программы закончилось 31 марта 2014 года; она была заменена на программу Таможня 2020 [16].

Координация реализации Программы на национальном уровне осуществляется в соответствии международным отделом ТС Чехии. Реализация целей и основных приоритетов программы проводилась в 2012 году в рамках пяти рабочих групп: 1) группы электронной таможни, занимающейся компьютеризацией таможенных органов, особенно с целью упрощения операций, стандартизации данных, гармонизации связей, улучшения взаимодействия с бизнес-сектором, устранения торговых барьеров и т.д.; 2) группы по вопросам ИТ, занимающейся координацией и внедрением новых ИТ-систем; 3) группы методов работы, занимающейся управлением рисками, аудитом и безопасностью торговли; 4) координационная группа по образованию, занимающейся обучением и другими мероприятиями в поддержку достижения целей программы в рамках проводимого электронного обучения; 5) руководящей группы высокого уровня, занимающейся контролем реализации ТК ЕС [17].

Среди мероприятий программы можно выделить следующие.

Во-первых, проведение семинаров для бизнес-структур, учебных мероприятий, проекты обмена опытом и рабочие визиты. В 2012 году в рамках программы было проведено в общей сложности 102 мероприятия, в которых приняли участие 229 сотрудников таможни. Кроме того, в реализации программы *Fiscalis* (эквивалент программы "Таможня" в налоговой сфере) приняли участие 9 сотрудников таможенной службы. В связи с кризисом было принято решение сократить по сравнению с 2011 годом число мероприятий, организованных ЕС и, соответственно, число участников.

Во-вторых, был завершён проект обмена опытом по вопросу «О нарушениях прав интеллектуальной собственности», в работе которой приняли участие таможенные службы Венгрии, Италии, Польши и Чехии. Заключительное совещание по оценке проекта состоялось в марте 2012 года.

В рамках проекта *ICARUS (Comparison of Airports)* [18] было проведено сравнительное исследование мер таможенного контроля, которые осуществлялись в аэропортах некоторых государств Европейского Союза и в частности, Чехии. Программа была нацелена на повышение эффективности сотрудничества между основными аэропортами ЕС. Сравнение выявило некоторые различия в функционировании таможенных органов в аэропортах, национального законодательства, местных методов работы. На основе этого сравнения аэропортов, участники группы сделали ряд предложений по будущим действиям. Это позволит избежать наличия "слабых звеньев", появляющихся на границах, а также иметь более эффективное и скоординированное применение мер таможенного контроля.

Консорциум «Евротаможня» [19]. Консорциум был создан таможенными службами стран-членов ЕС по оказанию технической помощи (обучению и консультациям) таможенным администрациям третьих стран. Участие таможенной службы Чехии в структуре обусловлено большим опытом чешской таможни в адаптации своей работы при вступлении в ЕС. В рамках консорциума осуществлялась координация совместной работы специалистов из таможенных служб государств-членов консорциума по самым различным вопросам. В 2005 году деятельность консорциума материализовалась в виде участия в разработке рекомендаций об общем транзите, предназначенных, в первую очередь, для стран-кандидатов на вступление в ЕС.

Программа «Customs-2007» проходила в период с 1 января 2003 г. по 31 декабря 2007 г. и была направлена на обеспечение в рамках ЕС единообразного применения таможенного законодательства в сфере борьбы с мошенничеством и содействие сотрудничеству между таможенными службами государств-членов. Программа продолжала деятельность Еврокомиссии и государств-членов в рамках программ «Таможня-2000» и «Таможня-2002» с целью повышения оперативности и эффективности деятельности таможенных служб для поддержания и содействия работе государств-членов в отношении гарантирования эффективности функционирования внутреннего рынка.

Участие в программе «Таможня-2007» Чешской Республики предусматривалось Меморандумом о взаимопонимании между Чешской Республикой и Европейским Сообществом, который был одобрен правительством 19 мая 2003 года [20]. В рамках этого проекта сотрудники чешской ТС, совместно с коллегами из ЕС, приняли участие в: а) совещаниях рабочих групп (особенно в отношении реализации программы Customs 2007, по вопросам транзита, использования информационных систем, внедрения новых методов работы); б) профессионально-ориентированных семинарах (например, по вопросам применения единого таможенного тарифа, использования специальных баз данных (TARIC и т.д.), идентификации подделок др.); в) заседаниях рабочей группы проекта ICARUS. Сотрудники чешской таможни в рамках данного проекта ознакомились с работой восьми аэропортов из стран-членов ЕС и стран-кандидатов. В свою очередь, таможенники из пяти государств-членов и кандидатов на вступление в Союз посетили пражский аэропорт и проинспектировали работу чешской таможни на этом объекте воздушного транспорта.

21-22 апреля 2005 года в Чешской Республике была организована международная конференция координаторов от таможенных служб из стран-членов ЕС, а также Болгарии, Румынии и Турции. Встреча проходила под патронажем Еврокомиссии. На ежегодных встречах решались вопросы управления программой, в рамках которой были осуществлены мероприятия по обмену сотрудниками таможенных служб государств-членов ЕС. В ноябре 2004 года в Республике прошло заседание Рабочей группы по подготовке новых правил обменных стажировок в рамках «Таможни 2007». В мероприятиях приняли участие более 100 представителей государств-участников и Еврокомиссии.

Сотрудничество в таможенной сфере обеспечивает необходимые потоки информации для управления рисками [21. Р. 5]. Согласно ст. 25 ТК Союза, страны разрабатывают и применяют законодательство по управлению рисками на основе обмена и анализа информацией по рискам между таможенными администрациями и внедрения, кроме прочего, общих критериев оценки риска, мер контроля и приоритетных областей. Анализ рисков позволяет установить сферу совершённых правонарушений и осуществить их профилактику. В этой связи государства ЕС разработали конкретные формы для обмена соответствующей информацией. Информация, полученная в результате сотрудничества таможенных служб, представляет собой дополнительный ресурс знаний для основы анализа рисков, так как национальным системам баз данных зачастую не хватает возможностей для идентификации угроз и потенциальных нарушений [22]. В частности, ТС Чехии также принимает активное участие в дискуссиях по форме будущей стратегии таможенного сотрудничества в области рисков, который был одобрен Советом ЕС в декабре 2011 года.

В ст. 5 ТК Союза 2013 г. обмен сведениями, сопроводительными документами, решениями и уведомлениями между таможенными органами, а также между таможенными органами и экономическими операторами, и хранение таких сведений осуществляется с использованием электронных средств обработки сведений. Статья 10 ТК Союза обязывает страны ЕС сотрудничать с Еврокомиссией с целью разработки и эксплуатации электронных

систем для обмена информацией между таможенными органами и для обеспечения единой регистрации и учета записей касательно, в частности, следующего: а) экономических операторов, прямо или косвенно участвующих в осуществлении таможенных формальностей; б) применений и разрешений в отношении таможенного режима или статуса уполномоченного экономического оператора; в) применений и специальных решений (ст. 20 ТК); г) общее управление рисками (ст. 25 ТК).

Создание различных компьютерных систем обеспечило эффективность сотрудничества между таможенными органами различных стран-членов, а также между национальными таможенными органами и Еврокомиссией в сфере усовершенствования борьбы с мошенничеством и в сфере обеспечения единого порядка применения таможенных правил. Они формирует основу для развития сотрудничества в борьбе с нарушениями закона, включая сотрудничество с другими правоохранительными органами и учреждениями.

Специальные информационные системы созданы не только для обмена информации, используемой таможенными органами, с помощью каналов связи, также для того, чтобы сделать её доступной для таможенных служб государств. Одной из таких сетей является Информационная система по борьбе с мошенничеством (далее - AFIS [23]). AFIS обеспечивает безопасную инфраструктуру для обмена, связанной с мошенничеством, информации среди государств-членов Европейского Союза и между государствами-членами и Европейской комиссией. Эта система также позволяет проводить совместные операции в таможенной сфере с участием государств-членов и третьих стран с координацией ресурсов таможенных служб различных государств. Компонентом AFIS является Таможенная информационная система (далее - CIS [24]). CIS состоит из двух централизованных баз данных "CIS" Евросоюза и "CIS" государств-членов, а также специальной части Таможенной идентификационной базы данных [25]. CIS создана на основе Регламента Совета 515/97 и Решения Совета 2009/917/ЖНА [26]. Положения Решения были включены в закон о таможенной администрации Чешской республики 2012 г.

Статья 183 ТК Союза устанавливает дальнейшие меры по реализации положений AFIS и CIS. В частности, Еврокомиссия принимает правила, предусматривающие совместимость электронных систем таможенных органов стран ЕС, с целью улучшения сотрудничества на основе электронного обмена информацией между таможенными службами, между таможенными службами и Комиссией и между таможенными службами и экономическими операторами. Некоторые документы ЕС предусматривают обязанность спонтанного информационного обеспечения. Иными словами, даже если законодательство государства-члена ЕС не требует предоставления информации, таможенные органы могут проинформировать иностранные о событиях, факте или тенденциях.

Б) Помощь в производстве по делам об административных "таможенных" правонарушениях

Вопросы оказания взаимной помощи и осуществления сотрудничества в отношении раскрытия и расследования административных правонарушений наиболее часто требуют применения документов ЕС. Примерами таких актов могут служить, например, Регламент Совета ЕС от 18 декабря 1997 г. о взаимной помощи между административными властями государств-членов и сотрудничестве между последними и Комиссией для обеспечения надлежащего применения законодательства по таможенным и аграрным вопросам [27]. Регламент обеспечивает возможность ТС Чехии получить информацию от таможенных органов другого государства ЕС в случаях, когда необходимо определить размер платежа таможенного сбора. Регламент также устанавливает обязанность уведомления Еврокомиссии о нарушениях в данной сфере.

Особое место занимает Конвенция Неаполь II. По Конвенции государства ЕС оказывают друг другу правовую помощь и через свои таможенные службы взаимодействуют в сфере противодействия и выявления нарушений таможенного права ЕС и наказания за их совершение. Чаще всего такое сотрудничество осуществляется таможенными органами путём отправки документа установленной формы, которое затем отмечается определенным образом в зарубежных таможенных органах. Сотрудничество осуществляется в свободной форме; единая форма запросов не утверждена [28. P. 111].

Однако документы ЕС определяют содержание и объем запроса об оказании помощи. В частности, в ст. 4-12 Регламента Совета ЕС № 515/97 посвящены различным аспектам просьбы об оказании правовой помощи таможенными органами. Запросы должны содержать: предмет просьбы об оказании правовой помощи; заинтересованные лица; сведения о поставленных товарах (количество, стоимость, характеристики); квалификация нарушения; нанесенный ущерб; наказание за нарушения; действия, которые должны быть совершены по запросу. Запросы должны сопровождаться заверенными копиями необходимых документов. В 2013 году ТС Чехии получила 343 поручения об оказании взаимной правовой помощи из стран ЕС [29]. Большинство из них были присланы от таможенных администраций ФРГ (51), Австрии (22), Словакии и Польши (по 10), Хорватии (9). Предметом поручений в основном являлись запросы по проверке таможенной стоимости, проверку документов (счетов, договоров, доверенностей и т.д.). Из Чехии наибольшее количество поручений было направлено в ФРГ (45), Польшу (29), Словакию (23).

ТС Чехии также активно участвует в реализации Плана действий по таможенному сотрудничеству в правоохранительной области за период с 2013-2014 гг. В контексте плана действий служба продолжала преследовать проект, посвященный борьбе с таможенными правонарушениями, связанными с использованием Интернета. Его целью было, в первую очередь, обмен опытом между специализированными службами, занимающимися Интернет-преступностью и связанными с работой и методами расследования, оборудование и сотрудничество с другими правоохранительными органами.

Можно охарактеризовать сотрудничество таможенных служб стран Евросоюза как организованный механизм, основанный на унифицированных процедурах и документах, современных информационных технологиях, взаимном доверии таможенников и экономических операторов, а также ответственности обеих сторон за соблюдение установленных правил. ТС Чехии, наряду с таможенными службами других государств-членов ЕС, стремится к продолжению реформирования основ взаимодействия с целью адаптации к современным условиям.

В) Правовая помощь по уголовным делам о "таможенных" преступлениях

Раздел 5 части третьей ДФЕС регулирует сотрудничество в области правосудия и внутренних дел органов государств-членов, включая таможенные службы. При взаимодействии по уголовным делам государства опираются на Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам [30]. Кроме того, сотрудничество таможенных служб государств ЕС закреплено в документах институтов Европейского Союза [31].

На основании ст. 325 ДФЕС Евросоюзом и государства-члены ведут борьбу с мошенничеством и любой другой противоправной деятельностью, посягающими на финансовые интересы Союза. В их число входят и т. н. "фискальные мошенничества" [32], включая контрабанду и неуплату таможенных платежей [33].

Нужно учитывать, что юридическая база правовой помощи по уголовным делам в Чешской Республике в настоящее время изменились. 20 марта 2013 г. был принят Закон "О правовой помощи по уголовным делам" [34], который вступил в силу 1 января 2014 г. Закон учитывает международные обязательства республики, а также изменяет или отменяет действие двух десятков чешских нормативных актов (§ 340) [35].

При расследовании отдельных видов преступлений таможенные органы действуют на основании специального права, которое, используется, как правило, всеми правоохранительными органами государств. Так, при расследовании преступлений, связанных с наркотиками, используются документы ЕС (резолюция Совета ЕС от 29 ноября 1996 г. [36], Регламент Совета № 111/2005 от 22 декабря 2004 г. [37], Регламент Европарламента и Совета № 273/2004 от 11 февраля 2004 г. [38]), а также законодательство Чехии (УК Чехии 2009 г. [39], закон "Об уголовной ответственности юридических лиц" 2011 г. [40], закон "О прекурсорах" 2013 г. [41] и др.).

Государства ЕС должны принимать такие же меры в целях борьбы с фискальным мошенничеством, какие они принимают для борьбы с преступлениями, посягающими на их собственные интересы. С этой целью государства ЕС совместно с Комиссией организуют регулярное сотрудничество таможенных органов. Например, в 2013 году ТС Чехии активно участвовала в совместных операциях таможенных служб стран ЕС, направленных на

обнаружение и пресечение: а) пересылки почтой наркотических средств и психотропных веществ и прекурсоров; б) незаконной торговли лекарствами через Интернет; в) нарушения обязанности лиц сообщать о провозе денежных средств в размере 10 000 евро или более с или на территорию ЕС; г) провоза наркотиков наземным транспортом из Юго-Западной Азии в Центральную и Западную Европу (Балканский маршрут); д) торговли дикими животными и растениями, находящимися под охраной [42].

В принципе, правовая помощь предусматривают направление запросов через национальные центральные органы (прокуратуру, министерство юстиции и т.д.), что занимает довольно много времени. В этой связи в рамках ЕС были приняты документы, которые позволяют таможенным органам и другим соответствующим органам сотрудничать в проведении расследований напрямую, без отправки запроса о помощи через прокуратуру или Министерство юстиции. Конвенция Неаполь II (ст. 2) предусматривает, что она будет применяться для расследования преступлений в сфере компетенции таможенной службы.

Оказание правовой помощи может осуществляться как совершением определенных действий, оформляемых в "бумажной" форме, так и использованием электронных средств. В первом случае, помощь оказывается путем предоставления письменных обращений и документов, которые доставляются лично, по почте или факсу. Во втором случае, просьбы об оказании правовой помощи и их выполнение ограничены обменом данными с использованием электронных средств связи.

В новых условиях ТС Чехии осуществляет контрольные функции самостоятельно или в сотрудничестве с коллегами из других стран ЕС, проводить правоохранительную деятельность с целью противодействия преступности в различных сферах, нарушениям, которые посягают на финансовые интересы Чехии и ЕС. Эта деятельность должна быть обоснована на анализе рисков, чтобы силы концентрировались на фактических угрозах, а не на тотальном или хаотическом контроле. ТС Чехии также получает предупреждения о возможных нарушениях таможенных правил, каждое из которых в рамках ЕС присылает OLAF [43] в форме сообщения. Так, в 2013 году были приняты 32 таких документа. Из них 3 касались сельскохозяйственной продукции, 26 - промышленных товаров и 3 - прекурсоров. В отношении всех этих докладов были приняты соответствующие меры и начато расследование.

Таким образом, международное сотрудничество и взаимная правовая помощь являются неотъемлемыми частями деятельности ТС Чехии, позволяя осуществлять надлежащее применение таможенного права ЕС и Чехии.

2. Сотрудничество Таможенной службы Чехии с таможенными администрациями третьих стран

ТС Чехии сотрудничает и с таможенными службами государств-нечленов Евросоюза. Содействие в пресечении нарушений таможенного законодательства является более эффективным, если оно подкреплено взаимной помощью по "таможенным" уголовным делам.

Международно-правовую базу взаимодействия образуют договоры ЕС с третьими странами.

Так, Соглашение между Европейским Сообществом и Правительством КНР о сотрудничестве и взаимной правовой помощи по таможенным делам 2004 г. [44] регламентирует сотрудничество между административными органами, ответственными за применение таможенного законодательства. Согласно ст. 2 Соглашения Стороны развивают таможенное сотрудничество, в частности, путем: установления каналов связи; содействия эффективной координации между административными органами; совместной деятельности по административным вопросам; содействия законному перемещению товаров; обмена информацией и опытом в вопросах таможенного законодательства; предоставлении друг другу техническую помощь, например, обмен персоналом и экспертов, обучения и обмена профессиональной данными и т.д.

Соглашения предусматривают два способа помощи:

а) помощь по запросу. Запрашиваемый орган направляет запрос (например, ст. 4 Соглашения между Европейским Сообществом и Индией о таможенном сотрудничестве и взаимной административной помощи по таможенным делам 2004 г. [45]) со всей

информацией, позволяющей убедиться, что таможенное право применяется неправильно. Информация может касаться таких деяний, как представление при декларировании неправильных или фальсифицированных документов. Соглашение также предусматривает возможность наблюдения и контролируемых поставок, если есть основания полагать, что лица, товары или транспортные средства участвуют в незаконных операциях;

б) спонтанная помощь. Так, на основании ст. 4 Соглашения между Европейским Сообществом и Республикой Корея о сотрудничестве и взаимной правовой помощи по таможенным делам 1997 г. [46] стороны оказывают друг другу помощь, если они считают это необходимым для правильного применения таможенного законодательства. В частности, они передают друг другу любую информацию, которая может помочь избежать существенный ущерб экономике, общественному здоровью или подобные жизненно важные интересы.

В соответствии с нормами соглашений запросы должны быть сделаны в письменной форме на языке, понятном для обеих властей. В экстренных случаях, устное обращение может предшествовать письменному заявлению.

Для облегчения обработки запроса запрашивающий орган обеспечивает достаточную информацию о запрашиваемом лице, предмете и основаниях запроса. Он также предоставляет информацию о подозреваемых, законодательство, предусмотреть соответствующие факты и исследования, проведенные (ст. 5 Соглашения между Европейскими Сообществами и Правительством Японии о сотрудничестве и взаимной правовой помощи по таможенным делам 2008 г. [47]).

По указанным Конвенциям за 2009-2013 гг. из ТС Чехии поручения направлялись в Китай (115), Гонконг (29), Японию (23), США (16), Канаду (12), Индию (4). В рамках этих запросов ТС Чехии интересовали проверка счетов-фактур и накладных (51,8 %), действительное существование юридических лиц (27,6 %), достоверность описания товаров и их классификации (16,4 %).

В соответствии с просьбой о помощи запрашиваемый орган передает всю информацию уже имеющейся у него или предпринимает необходимое расследование. Если просьбу выполнить невозможно, мотивированное сообщение об этом направляется заявителю незамедлительно (Соглашения между Европейским Сообществом и Гонконгом о сотрудничестве и взаимной правовой помощи по таможенным делам 1997 г. [48]).

В исполнении запроса может быть отказано в случае угрозы суверенитета, безопасности, общественному порядку или интересов государства, особенно в тех случаях, когда защита передаваемой информации не могла быть гарантирована. Данные, полученные в порядке правовой помощи, являются конфиденциальными (ст. 7 Соглашения между Европейским сообществом и США таможенном сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах 1997 г.). Эта информация может быть использована в качестве доказательства, однако лишь по тому расследованию, по которому была запрошена.

Соглашения предусматривают создание Совместных комитетов по таможенному сотрудничеству (Joint Customs Cooperation Committee), в компетенцию которых передавалось наблюдение за функционированием Соглашений и все вопросы, связанные с их применением.

Так, 15 ноября 2004 года Совместный Комитет ЕС-США по таможенному сотрудничеству принял десять рекомендаций об осуществлении Соглашения между Европейским сообществом и США о мерах по активизации и расширению сферы действия Соглашения о таможенном сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах 2004 г. [49] с целью укрепления безопасности морских контейнерных перевозок.

В 2010-2012 гг. Комитет ЕС-Корея сосредоточился на следующих вопросах: торговые барьеры; защита прав интеллектуальной собственности; координация политики в международных организациях; проекты по обмену персоналом и общим методикам обучения [50].

Во время шестого заседания Объединенного комитета Япония-ЕС по таможенному сотрудничеству (Токио, 24 января 2014 г.) стороны обменялись мнениями по развитию двустороннего таможенного сотрудничества. В частности, речь шла о взаимном признании Уполномоченных экономических операторов (Authorised Economic Operators) [51] и

автоматизации обмена информацией о них между Японией и ЕС. Изучалось также возможное сотрудничество в области управления рисками.

В ряду отношений с третьими странами несколько особняком стоят взаимодействие ТС Чехии с ФТС России. Поскольку Чехия не имеет границы с Россией, чешская таможня занимается лишь таможенным оформлением экспорта и импорта, обеспечивает контроль за прохождением российских грузов по территории республики и пассажиропотоком из России.

В рамках общеевропейских проектов ТС Чехии успешно реализует таможенную составляющую инициативы "Партнерство для модернизации" [52. Р. 332], которая является основным инструментом взаимодействия России и ЕС в таможенной сфере [53]. По линии укрепления правоохранительного взаимодействия взаимодействие ТС Чехии с ФТС России осуществляется в рамках Подкомитета Россия – ЕС по таможенному и трансграничному сотрудничеству [54].

Кроме того, сотрудничество ТС Чехии с ФТС осуществляется и на двусторонней основе. Например, на основе ст. Соглашения между Правительством РФ и Правительством Чешской Республики о сотрудничестве в области борьбы с преступностью 2011 г. в 2012 году ТС Чехии совместно с российскими правоохранительными органами было организована одна международная операция по поводу транзита крупной партии наркотиков через Россию в Чехию и далее в Германию [55]. По делу было осуждено два человека.

На основании Соглашения между Правительством РФ и Правительством Чешской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах 1997 г. в 2009-2013 г. в ФТС России было направлено 132 запроса о правовой помощи. В них чешская таможня просила осуществить: проверку документов (счетов-фактур, отгрузочных документов); проверку точности описания или тарифной классификации товаров; контролируемые поставки. Летом 2013 года была пресечена попытка контрабанды в Республику "предметов старины и искусства, представляющих значительную историческую ценность (ст. 6 Соглашения). В июле 2013 г. при проведении таможенного досмотра международного почтового отправления, поступившего из Чехии и адресованного жителю Хабаровска, обнаружено вещество, имеющее сходство с наркотическими веществами. Данное почтовое отправление было направлено в порядке осуществления ст. 5 Соглашения - «контролируемая поставка». Экспертиза установила, что в посылке находится синтетический наркотик. Виновный был осужден по ч. 3 ст. 229.1 УК РФ.

В отчетном докладе ТС Чехии за 2013 г. отмечается: «Эффективная таможенная политика и рационально организованная таможенная служба стимулирует рост внешней торговли страны, улучшение структуры её товарооборота и повышение конкурентоспособности экспортной продукции» [58]. В то же время успешное функционирование таможни позволяет минимизировать некоторые негативные последствия глобализации, включая расширение поля для различного рода мошенничества и криминализации на мировых товарных и финансовых рынках.

Таможенные органы стран ЕС должны обеспечить бесперебойный поток внешней торговли, с одной стороны, применяя эффективного контроля над международными поставками для того, чтобы: а) обеспечить безопасность и безопасность граждан ЕС; б) способствовать законному обороту товаров и услуг, защищая в ЕС от недобросовестной торговли; в) повышать конкурентоспособность европейского бизнеса при посредстве современных методов работы с легкодоступным электронным таможенным оформлением; г) защищать финансовые интересы ЕС и государств-членов; д) управлять внешними границами ЕС; е) сотрудничать на национальном и международном уровнях для борьбы с фискальным мошенничеством. Создание благоприятных условий для повышения уровня взаимодействия в сфере таможенного дела является одним из приоритетных направлений деятельности Чешской Республики.

Заключение

В рамках Европейского Союза в работе таможенных органов внимание в большей степени акцентируется на безопасности и охране внешних границ, предотвращению совершения различных видов правонарушений. Сотрудничество между таможенными службами государств ЕС не только обеспечивает надлежащее применение права

таможенными служащими, но и способствует расследованию преступлений, а также содействует обмену информацией о передовом опыте, тенденциях развития методиках расследования таможенных нарушений.

Примечания:

1. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/customs/l11050_en.htm.
2. Pech L. The Rule of Law as a Constitutional Principle of the European Union // URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1463242.
3. Reding V. Vice-President of the European Commission, EU Justice Commissioner. The EU and the Rule of Law – What next? // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-677_en.htm.
4. Fabio M. Customs Law of the European Union. Kluwer Law International, 2012. P. 23.
5. URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/customs/procedural_aspects/transit/common_community/index_en.htm.
6. URL: [http://www.mzdovapraxe.cz/archiv/dokument/doc-d1964v2725-celni-problematika-cr-od-1-5-2004/?search_query=\\$index=67&search_results_page=4](http://www.mzdovapraxe.cz/archiv/dokument/doc-d1964v2725-celni-problematika-cr-od-1-5-2004/?search_query=$index=67&search_results_page=4).
7. URL: <http://www.celnisprava.cz/cz/evropska-unie/Stranky/spolecne-prohlaseni-celnich-sprav-eu.aspx>.
8. Customs Cooperation Working Party (CCWP) // URL: [http://www.acronymfinder.com/Customs-Cooperation-Working-Party-\(EU\)-\(CCWP\).html](http://www.acronymfinder.com/Customs-Cooperation-Working-Party-(EU)-(CCWP).html).
9. Council resolution of 13 December 2011 on the future of customs law enforcement cooperation 2012/C 5/01 // URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1409399103702&uri=CELEX:32012G0107\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1409399103702&uri=CELEX:32012G0107(01)).
10. OLAF // URL: http://ec.europa.eu/anti_fraud.
11. Frontex // URL: <http://frontex.europa.eu>.
12. Customs Cooperation Working Party (CCWP) // URL: <http://gr2014.eu/events/expert-meetings/informal-meeting-council-s-customs-union-working-party>.
13. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/tenders/twinning/index_en.htm.
14. European Neighbourhood Policy // URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/overview/twinning_en.htm.
15. Decision No 624/2007/EC of the European Parliament and of the Council of 23 May 2007 establishing an action programme for customs in the Community (Customs 2013) (Program Customs 2013) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32007D0624:EN:NOT>.
16. Regulation of the European Parliament and of the Council establishing an Action programme for customs in the European Union for the period 2014-2020 (Customs 2020) and repealing Decision N°624/2007/EC // Brussels, 29.8.2012. COM(2012) 464 final 2011/0341/a (COD).
17. URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/customs/cooperation_programmes/fiscus/index_en.htm.
18. URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/resources/documents/icarus_comparison_dec_2003_en.pdf.
19. URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/index_en.htm.
20. Usnesení Vlády České republiky ze dne 19. května 2003 č. 485 k návrhu na sjednání Memoranda o porozumění mezi Českou republikou a Evropským společenstvím o účasti České republiky v programu Společenství Customs 2007 // URL: <http://kormoran.vlada.cz/usneseni/usnweb.nsf/0/79F80D899D69FADF12571B6006FC869>.
21. Lewis G. The Impact of ICT on Customs // World Customs Journal. 2009. Vol. 3.
22. URL: http://europa.eu/legislation_summaries/customs/l11002_en.htm.
23. Anti-Fraud Information System (AFIS) // URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCgQFjAA&url=http%3A%2F%2Fec.europa.eu%2Fanti_fraud%2Fdocuments%2Fdata-protection%2Fdp0%2F81_afis_user_register.pdf&ei=Ip11U8amJK-AyAOJ_YAg&usq=AFQjCNHPFomZ9H-_gRHnq5rLggjofAXvPg&bvm=bv.66699033,d.bGQ&cad=rjt.
24. Customs Information System (CIS) // URL: http://europa.eu/legislation_summaries/customs/l11037_en.htm.

25. Customs Files Identification Database (FIDE) // URL: <http://www.datenschmutz.de/moin/CIS%20und%20FIDE>.
26. Council Decision 2009/917/JHA of 30 November 2009 on the use of information technology for customs purposes // <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB4QFjAA&url=http%3A%2F%2Feur-lex.europa.eu%2FLEXUriServ%2FLEXUriServ.do%3Furi%3DOJ%3AL%3A2009%3A323%3A0020%3A0030%3AEN%3APDF&ei=Q8MCVPa-McXXaouHgaAB&usq=AFQjCNFShuvho7RhhRCC6PhAldYJLOyZIG&bvm=bv.74115972,d.d2s&cad=rjt>.
27. Council Regulation (EC) No. 515/97, 18 December 1997 on mutual assistance between the administrative authorities of the Member States and cooperation between the latter and the Commission to ensure the correct application of the law on customs and agricultural matters // OJ. L 82. 22.03.1997. P. 1.
28. Weerth C. HS 2007: Notes of the Tariff Nomenclature and the Additional Notes of the EC // World Customs Journal. – 2008. - Vol. 2.
29. Informace o výsledcích činnosti Celní správy ČR za rok 2013 // URL: <http://www.celnisprava.cz/cz/statistiky/Stranky/vyrocní-zpravy.aspx>.
30. European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters signed on 20 April 1959 Strasbourg // URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/030.htm>.
31. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament and the Economic and Social Committee of 8 February 2001 concerning a strategy for the Customs Union [COM (2001) 51 final] // URL: http://europa.eu/legislation_summaries/customs/l11014_en.htm.
32. fiscal fraud, die Steuerbetrug, la fraude fiscale, daňové podvody.
33. Jánošíková, P., Mrkývka, P., Tomažič, I., et al. Finanční a daňové právo. Plzeň: Aleš Čeněk, 2009. 525 s.
34. Zákon o mezinárodní justiční spolupráci ve věcech trestních č. 104/2013 // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2013-104>.
35. Costa P. and Zolo D. (eds.). The Rule of Law. History, Theory and Criticism. Springer, 2007.
36. Council Resolution of 29 November 1996 on the drawing up of police/customs agreements in the fight against drugs // OJ. C 375 of 12.12.1996.
37. Council Regulation (EC) No 111/2005 of 22 December 2004 laying down rules for the monitoring of trade between the Community and third countries in drug precursors // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/;ELX_SESSIONID=F3nNT8ghMCX9YQqq2LWw6c7ygy2lpN5c85G813MY5LMt7Vdw01H8!-153079146?uri=CELEX:32005R0111.
38. Regulation (EC) No 273/2004 of the European Parliament and of the Council of 11 February 2004 on drug precursors // URL: http://europa.eu/legislation_summaries/customs/l33215_en.htm.
39. Zákon ze dne 8. ledna 2009 trestní zákoník // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.
40. Zákon ze dne 27. října 2011 o trestní odpovědnosti právnických osob a řízení proti nim // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2011-418>.
41. Zákon ze dne 22. srpna 2013 o prekursorech drog // URL: <http://www.zakonyprolidi.cz/cs/2013-272>.
42. URL: <http://www.celnisprava.cz/cz/clo/problematika-taricu/ecit/Stranky/e-cit.aspx>.
43. URL: http://ec.europa.eu/anti_fraud/index_en.htm.
44. Council Decision 2004/889/EC of 16 November 2004 on the conclusion of an Agreement between the European Community and the Government of the People's Republic of China on cooperation and mutual administrative assistance in customs matters // OJ. L 375 of 23.12.2004.
44. Council Decision 2004/633/EC of 30 March 2004 concerning the conclusion of the Agreement between the European Community and the Republic of India on customs cooperation and mutual administrative assistance in customs matters // OJ. L 304 of 30.9.2004.
45. Council Decision 97/291/EC of 26 April 1997 concerning the conclusion of the Agreement between the European Community and the Republic of Korea on cooperation and mutual administrative assistance in customs matters // OJ. L 121 of 13.5.1997.

46. Council Decision 2008/202/EC of 28 January 2008 concerning the conclusion of the Agreement between the European Community and the Government of Japan on cooperation and mutual administrative assistance in customs matters // OJ. L 62 of 6.3.2008.

47. Council Decision 1999/400/EC of 11 May 1999 concerning the conclusion of the Agreement between the European Community and Hong Kong, China on cooperation and mutual administrative assistance in customs matters // OJ. L 151 of 18.6.1999.

48. Council Decision 2004/634/EC of 30 March 2004 concerning the conclusion of an Agreement between the European Community and the United States of America on intensifying and broadening the scope of the Agreement on customs cooperation and mutual assistance in customs matters to include cooperation on container security and related matters // OJ L 304 of 30.9.2004.

49. URL: http://eeas.europa.eu/korea_south/index_en.htm.

50. Decision N 1/2010 of the Joint customs cooperation committee of 24 June 2010 pursuant to Article 21 of the Agreement between the European Community and the Government of Japan on Cooperation and Mutual Administrative Assistance in Customs Matters regarding mutual recognition of Authorised Economic Operators programmes in the European Union and in Japan (2010/637/EU) // URL: http://ec.europa.eu/taxation_customs/resources/documents/customs/policy_issues/international_customs_agreements/japan/mutual_recognition_aeo_en.pdf.

51. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/partnership_modernisation_facility/index_ru.htm.

52. Chesterman S. An International Rule of Law? // American Journal of Comparative Law. 2008. № 331.

53. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=254:Россия%20и%20ЕС%20обсудили%20вопросы%20таможенного%20и%20трансграничного%20сотрудничества&catid=27:2011-01-24-14-47-07&Itemid=1830.

54. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/30BCA2FBE52A846944257D34002858.

55. Informace o činnosti Celní správy České republiky za rok 2013.

UDC 351.87

Сотрудничество Таможенной службы Чехии с таможенными органами иностранных государств

Екатерина Халапян

Воронежский государственный университет, Российская Федерация
соискатель
E-mail: xea-fond@yandex.ru

Аннотация. Автор исследует три основных направления сотрудничества ТС Чехии с зарубежными таможенными учреждениями: а) взаимодействие в области таможенного дела; б) помощь в сфере расследования административных "таможенных" правонарушений; в) помощь в расследовании "таможенных" преступлений.

В статье делается вывод, что регулирование сотрудничества в рамках ЕС между таможенными службами на современном этапе представляется вполне достаточным; существует баланс между правами и обязанностями по предотвращению нарушений таможенного законодательства и своевременным информационным обеспечением. Национальным таможенным органам рекомендуется обмениваться важной информацией по их собственной инициативе.

ТС Чехии широко использует возможности, предоставленные международными договорами с третьими государствами. Факт проведения ТС Чехии совместных международных операций свидетельствует об эффективности ее деятельности. Она повышается благодаря качественному взаимодействию правоохранительных органов,

упреждающей информации, поступающей от коллег, а также слаженности в действиях при проведении совместных мероприятий.

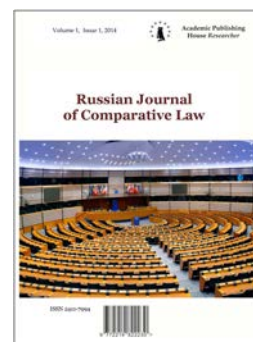
Ключевые слова: Таможенный союз в рамках ЕС, таможенные пошлины на границах между странами-членами ЕС, Таможенная служба Чешской Республики, правовая помощь в административных "таможенных" делах, правовая помощь в уголовных "таможенных" делах.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 2, Is. 2, pp. 60-70, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.2.60
<http://ejournal41.com>

UDC 347.447.72

Distinguishing the Institutes of Fundamental Change of Circumstances and Impossibility of Performance in Republic of Armenia Civil Law

Hayk G. Malkhasyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia
123 Hovsep Emin str., Yerevan, 0051
PhD student
E-mail: hayk.g.malkhasyan@gmail.com

Abstract

The present article addresses the issue of distinguishing between concepts of fundamental change of circumstances and impossibility of performance in Armenian Civil Law. Both concepts are recognized by the civil law but yet remain distinct in their nature, apply different criteria for relief and entail differing consequences. Thus impossibility due to force majeure excludes debtor's responsibility for non-performance. Impossibility may also result in termination of the obligation. Whereas in the case of fundamental change the performance is not impossible, but excessively onerous and disbalanced due to an unforeseen and uncontrolled event. The fundamental change may result in termination or modification of a contract. In this sense the category of "economic impossibility" is analyzed, with the conclusion that it should not be recognized by the courts. Evidence is presented to support the argument that impossibility rules apply only in cases of physical or legal impossibility, whereas the fundamental change rules are applicable to instances of economic hardship due to unforeseen event.

Keywords: impossibility of performance, fundamental change of circumstances, force majeure, Republic of Armenia Civil Law.

Введение

Теории невозможности и существенного изменения обстоятельств существуют в мировой правовой науке весьма долгое время. Некоторые государства (например, ФРГ, РФ) признают оба этих института, другие (Франция) – лишь невозможность исполнения обязательства, не придавая значения изменению обстоятельств. Гражданское право Армении относится к первой группе право порядков, однако существует проблема разграничения сфер применения названных институтов. В этой связи будет изучен институт невозможности исполнения обязательства и рассмотрен вопрос соотношения его с категорией существенного изменения обстоятельств.

Материалы и методы

Работа подготовлена на основании изучения положений правовых актов РА, в особенности Гражданского Кодекса, судебной практики судов РА и РФ, а также научных трудов в сфере расторжения договора и невозможности исполнения обязательств. При

проведении исследования применялись общенаучный метод познания, а также частно-правовые методы, в особенности, метод сравнительного правоведения.

Обсуждение

ГК Республики Армения закрепляет доктрину изменения обстоятельств. Согласно п. 1 ст. 469 ГК существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. При этом изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Пункт 2 названной статьи устанавливает и критерии существенного изменения обстоятельств: 1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет; 2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота; 3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; 4) из обычаев делового оборота или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Вместе с тем ГК РА не чужда и доктрина невозможности исполнения. Более того, последняя занимает преимущественное положение как с точки зрения изученности в доктрине, так и правоприменительной практике. Так, согласно ст. 411 ГК РА, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Ст. 432 ГК РА устанавливает в свою очередь, что обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает.

Основной идеей доктрины невозможности является идея о том, что к невозможному нельзя обязать. "*Impossibilium nulla obligatio*" - гласила известная римская максима. И хотя многие исследователи полагают, что правило это относилось лишь к некоторым видам договоров, комментаторы вывели из этого постулата идею о том, что аллогично предполагать наличие обязательства к невозможному, так как наличие обязательства предполагает и наличие возможности его исполнения [1].

В советской правовой литературе долгое время велись споры по поводу существования невозможности как самостоятельного правового института. Некоторые ученые отвергали самостоятельное значение категории невозможности. В частности, Д.М. Генкин отмечал, что невозможность исполнения может быть как невиновной так и виновной, следовательно невозможность, возникшая по вине должника не может повлечь освобождение его от ответственности. В свою очередь невиновная невозможность исполнения должником должна, по мнению Генкина, иметь различные последствия, например отсрочку исполнения если это возможно, а в иных случаях недействительность [2].

Парируя аргументы Генкина, В.А. Ойгензихт утверждал, что основанием для освобождения от ответственности является лишь невиновная невозможность не умаляет значения невозможности как самостоятельной категории. По мнению последнего, "невозможность исполнения" – это объективно существующее положение, в котором оказались стороны (сторона) вследствие обстоятельств, исключающих реальное совершение действий в отношении предмета (предметов) обязательства" [3].

Последняя позиция выглядит наиболее обоснованной с точки зрения законодательства. ГК РА (ст. 432) как и ГК РСФСР 1964 г. (ст. 235) в свое время устанавливают, что невозможность исполнения прекращает обязательство, если невозможность вызвана обстоятельствами, за которые должник не отвечает. Таким образом, для того, чтобы применить соответствующую норму к конкретной ситуации необходимо, в первую очередь,

определить, является ли исполнение невозможным и, лишь получив положительный ответ, рассматривать вопрос о причинах такой невозможности.

Иными словами, рассматриваемое законодательное положение применимо при наличии двух критериев: а) исполнение невозможно; б) отсутствует причинная связь между невозможностью и поведением должника, за которое он несет ответственность в соответствии с законом или договором. Аналогичным образом выглядит ситуация с правилами об освобождении от ответственности вследствие воздействия непреодолимой силы, где также отдельно устанавливается, что исполнение должно стать невозможным. В подобной ситуации невозможность как правовая категория и получает свое самостоятельное значение.

Для того, чтобы раскрыть содержание категории невозможности следует в первую очередь определить является ли понятие невозможности субъективным или объективным. С этой целью § 275 ГГУ, например, указывает, что исполнение может быть невозможно для должника или для любого лица, тем самым определяя, что невозможность бывает субъективной - находящейся за рамками возможного для конкретного лица, и объективной - находящейся за рамками возможного для любого лица. При этом, однако, в доктрине преобладает мнение о том, что лишь при наличии объективной невозможности возникают соответствующие правовые последствия. Дж. Гродли, в частности, отмечает, что “как указывают комментаторы невозможность должна быть “объективной” или “абсолютной”, а не “субъективной” или “личной”” [1]. В свою очередь, Ф. К. Савиньи отмечал: “Невозможность коренится или в природе самого действия или в личном положении должника. Только первый вид невозможности (объективной), к которому и относится все изложенные соображения считается невозможностью. Второй вид (субъективная невозможность) не может служить оправданием для должника и не освобождает его, следовательно от вредных последствий связанных с произвольным неисполнением обязательства. Ни малейшему сомнению не подлежит приложение последнего вида невозможности к случаю, когда должник, обязавшись доставить известную сумму денег, не может исполнить обязательство по неимению ни наличных денег, ни кредита, так как деньги везде есть и обстоятельство, что этот должник не может доставить обещанного связано просто с его личным положением” [4, С. 263, 264]. Аналогичного мнения придерживался и Г. Ф. Шершеневич [5].

Несмотря на то, что указанное разделение часто встречается и в современной литературе [6], некоторые авторы считают его нецелесообразным с точки зрения практики. Так, Ойгензихт предпочитал классифицировать невозможность на абсолютную и релятивную (относительную) [3, С. 160]. Он же подразделял невозможность на фактическую и логическую, а также как физическую, юридическую, экономическую (хозяйственную) и этическую [3, С. 163].

Под физической невозможностью по его мнению следует понимать невозможность исполнения, вызванную “непреодолимыми естественными преградами к осуществлению исполнения обязательства, обусловленными как внешними, так и внутренними причинами, и равно относящимися к возможности производства личных действий субъектом, а также к существованию и целостности предмета обязательства, к исполнимости обязательства по времени, месту и другим условиям.” [3, С. 165]

В. В. Бациев характеризует физическую невозможность как “невозможность исполнения обязательства в натуре, наступающая при гибели или при утрате должником владения индивидуально-определенной вещью, являющейся объектом неисполненного обязательства, а также при возникновении неисполнимости того чисто личного действия, которое должник обязался совершить по договору, имеющему своим предметом выполнение работ или оказание услуг” [7. С. 125-129].

Физическая невозможность признается как практически во всех современных парвопорядках, так и в праве РА. Все что нельзя исполнить из-за наводнений, землетрясений, оползней и прочих классических случаев форс мажора является по существу физической невозможностью. Так, например, решением Кассационного суда РА от 18 сентября 2009 года положения об освобождении от ответственности в силу воздействия непреодолимой силы были применены к ситуации, когда водоснабжающая организация была вынуждена отключить водоснабжение вследствие аварии на трубопроводе [8].

Физическая невозможность может возникнуть и во многих других случаях, например при отсутствии или нехватке наследственного имущества кредитное обязательство прекращается невозможностью исполнения полностью или в недостающей части наследственного имущества, так как, как известно, наследник отвечает по долгам наследодателя лишь в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества [9].

От физической невозможности отграничивается юридическая невозможность т. е. отсутствие возможности совершить некое действие вследствие отсутствия такой возможности в соответствии с применимым правовым регулированием. Юридическая невозможность также широко признается как основание для освобождения от ответственности/прекращения обязательства. Так например Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ установил, что “Согласно пункту 1 статьи 416 Кодекса обязательство прекращается невозможностью исполнения, если она вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. В частности, одним из таких обстоятельств является прекращение обязательства в результате издания акта государственного органа (пункт 1 статьи 417 ГК РФ)...” [10]. Принятие такого акта, однако, не должно стать последствием противоправных действий самого лица. Последняя норма была также закреплена законодательно в п. 2 ст. 417 ГК РФ, согласно которой “обязательство не считается прекращенным, если издание акта органа государственной власти или органа местного самоуправления, повлекшее невозможность исполнения обязательства, вызвано неправомерными действиями (бездействием) самого должника.” [11; 12, С. 184]

Большинство специалистов склоняется к мнению о том, что лишь фактическая и юридическая невозможность исполнения является основанием для применения соответствующих норм о невозможности. Такого мнения придерживаются например А. М. Эрделевский [13], А. А. Павлов [14], В. В. Бациев [7] и другие авторы.

Особый интерес для нас в этом контексте представляет категория “экономической невозможности”. Согласно Ойгензихту, экономическая (хозяйственная) невозможность исполнения обязательства это “вызванная изменениями обстоятельств или их неправильным учетом нецелесообразность реального исполнения создающего угрозу нарушению хозяйственной и финансовой деятельности того или иного субъекта обязательства и в конечном итоге вступающего в противоречие с экономическими интересами социалистического государства” [3, С. 175, 176]. Если отбросить идеологическую составляющую последнего постулата, то получится утверждение о том, что субъект экономической деятельности должен быть освобожден от ответственности за неисполнение обязательства если вследствие изменения обстоятельств или заблуждения субъекта исполнение создает угрозу нарушения экономической деятельности должника, превращаясь таким образом в экономическую невозможность.

Подобная позиция является по существу отголоском концепции экономического форс мажора и связанных с ней доктин, некоторое время обсуждавшихся, а иногда и применявшихся на практике в континентальной Европе, в частности, Франции и Германии. Подобный подход следует считать несостоятельным как с точки зрения теории, так и современного законодательства. Как предостерегал еще А. В. Венедиктов, не следует смешивать понятие форс мажор (или *vis major*) со “специальными средствами защиты контрагента от значительных убытков, которыми грозят ему существенные изменения экономической конъюнктуры в условиях военного времени” [15, С. 22]. Более того, по мнению Бенедиктова, “сущность *vis major*, как института общей системы гражданского права, в том и заключается, что определенные - чрезвычайные и от воли должника не зависящие - обстоятельства создают для него невозможность выполнить взятое на себя обязательство. Поэтому-то и не возбуждает спора вопрос о пределах понятий фактической (или, правильнее, физической) и юридической невозможности. И в том, и в другом случае дело идет о таких явлениях, которые создают именно невозможность исполнения, делают исполнение договора вообще и совершенно невозможным, а не только затруднительным и тягостным для должника” [15, С. 23]. Венедиктов делает вывод о необходимости регулирования подобных случаев путем создания особого института, который бы во-первых не нарушал теоретической конструкции института непреодолимой силы, а во-вторых позволил бы наиболее точно урегулировать соответствующие отношения [15, С. 23]. Существование категории “экономической невозможности” отвергал и Я. А. Канторович

(“экономической невозможности как самостоятельного юридического понятия вообще не существует”) [16, С. 32].

Такого же мнения придерживается Бациев: “от невозможности исполнения следует отличать экономическую затруднительность исполнения, под которой понимается ситуация, когда исполнение фактически осуществимо, но при условии несения должником таких расходов, вызванных существенным изменением обстоятельств, которые от него не могут быть потребованы в силу принципа добросовестности осуществления прав. В данном случае речь идет о таких возникших после совершения сделки изменениях обстоятельств, которые фундаментально изменяют равновесие имущественных интересов сторон договора и риск наступления которых не был принят на себя должником [7]. Аналогичным образом обстоит ситуация и в большинстве европейских правопорядках. Как указывает в связи с этим Д. Таллон *force majeure* на сегодняшний день рассматривается лишь как способ разрешения ситуации полной невозможности, в то время как затруднение регулируется иными институтами [17].

Именно таким институтом и является институт изменения обстоятельств в современном позитивном праве РА и РФ. При этом, однако, следует иметь в виду и то обстоятельство, что одни и те же события могут служить основанием для применения как доктрины невозможности (в контексте правил о непреодолимой силе), так и норм об изменении обстоятельств. Так, например, та же война может стать непредвиденным и непреодолимым препятствием для исполнения обязательства невозможным. Она же может крайне ухудшить положение должника вследствие нарушения транспортного положения, торговли и т. п., сделав исполнение в крайней степени обременительным, но в то же время физически возможным.

В этой связи необходимо обратиться к правоприменительной практике. Как уже было отмечено, правоприменительная практика в РА весьма часто сталкивается с положениями о невозможности. Многие стандартные договоры содержат форс мажорную оговорку. Так, например, типовая форма договоров недропользования, утвержденная Постановлением Правительства РА № 437-Н от 22 марта 2012 года устанавливает, что “Стороны освобождаются от ответственности за полное или частичное неисполнение обязательств по договору, если это явилось следствием воздействия непреодолимой силы, которая возникла после заключения настоящего договора и которую стороны не могли предвидеть или предотвратить. Такими ситуациями являются: пожар, наводнение, землетрясение, буря или иные природные катаклизмы, а также взрывы, войны, террористические акты, гражданские войны, беспорядки, восстания, национализация и прочие случаи, делающие невозможным исполнение обязательств, установленных настоящим договором” [18]. Схожие оговорки содержатся во многих типовых договорах, используемых как государственными органами и органами местного самоуправления, так и физическими и юридическими лицами [19; 20].

Суды в РА также применяют названные нормы. Особый интерес для нас представляют два решения Кассационного Суда РА, относящиеся к одному и тому же делу. Дело относится к периоду распространения на территории РА африканской свиной чумы - вирусного заболевания, поражающего свиней со смертельным исходом. Фабула дела такова: в период между 2004-ым и 2007 годами ООО “Ландрас”, осуществлявшее предпринимательскую деятельность по разведению свиней (далее заемщик) заключило с ЗАО “Ардшининвестбанк” (далее кредитор) ряд кредитных договоров. В 2008 году кредитор обратился в суд с требованием о признании заемщика банкротом. Среди требований заемщика были в частности требования об уплате как сумм кредитов, так и начисленных за просрочку исполнения штрафов и пеней. Отказываясь признавать свою ответственность за неисполнение кредитных договоров заемщик указывал, что в 2007 году вследствие вспышки африканской свиной чумы на территории РА зафиксировано уничтожение свиней, в том числе 3000 голов, принадлежащих заемщику. Следствием этого стало тяжелое материальное положение заемщика, что и повлекло неспособность исполнения обязательства. На основании вышеизложенного заемщик требовал признать, что он не несет ответственности за неисполнение, так как указанные обстоятельства явились обстоятельством непреодолимой силы [21].

Кредитор же ссылаясь на положение договоров о том, что заемщик несет ответственность за неисполнение обязательства независимо от наличия его вины, в связи с чем утверждал, что заемщик несет ответственность за неисполнение.

Суд первой инстанции отверг мотивировку заемщика. Решение суда первой инстанции было оставлено без изменений апелляционной инстанцией. Однако Кассационный Суд РА встал на стороны заемщика. Согласно постановлению Кассационного суда РА от 17 апреля 2009 года: "...Согласно фактам настоящего дела надлежащее исполнение обязательства Обществом было невозможно вследствие непреодолимой силы, т. е. уничтожения 3000 голов свиней, принадлежащих Обществу вследствие зафиксированной в РА в 2007 году африканской свиной чумы. Вышеизложенное обстоятельство подтверждено Постановлением Правительства РА от 07.02.2008 г. № 84-А" [21].

Кассационный Суд РА далее постановил, что судом апелляционной инстанции не подвергнуты надлежащей оценке кредитные договоры, Постановление Правительства РА от 07.02.2008 г., переписка сторон и иные доказательства, и на основании вышеизложенного заключил, что если бы суд апелляционной инстанции подверг всестороннему, полному и объективному изучению доказательства по делу, то пришел бы к выводу о том, что "надлежащее исполнение кредитного обязательства Обществом было невозможно вследствие воздействия непреодолимой силы, при каких условиях Общество не может нести ответственность, и следовательно уплатить кредитору начисленные на основании договора штрафы" [21]. Кассационный Суд был вынужден вновь обратиться к рассмотрению названного дела в 2011 году. В решении от 27 мая 2011 года КС *inter alia* сослался на сделанные им же в предыдущем решении выводы [22].

Таким образом, Кассационный Суд распространил действие правил о непреодолимой силе на случай, когда исполнение кредитного обязательства стало невозможным для конкретного должника вследствие наступления экономических затруднений. Следует, конечно, согласиться, что экономические затруднения возникли вследствие распространения некоего заболевания, однако, распространение заболевания не может само по себе явиться форс мажорным обстоятельством. Оно должно быть непредвиденным и непредотвратимым. Сложно представить себе профессионального заводчика, не предвидящего возможность заражения скота. Кроме того, нет никаких сведений о невозможности предотвратить заражение (введение карантина, санитарной очистки и т. п.). Однако наибольший интерес представляет то обстоятельство, что суд признал исполнение кредитного договора, т. е. обязательства возратить денежные средства, невозможным к исполнению.

Как уже отмечалось выше, основанием для применения правил о невозможности исполнения является физическая или юридическая невозможность. О юридической невозможности не может быть речи, так как ни один правовой акт не препятствовал исполнению. Остается физическая невозможность, что крайне сомнительно, так как исполнение денежного обязательства, как и в целом обязательств по передаче вещей, определяемых родовыми признаками, не может стать невозможным.

Как указывал Савиньи, невозможность исполнения не может затронуть денежного обязательства [4, С. 263, 264]. Такого же мнения придерживается Бациев: "по общему правилу обязательства, имеющие своим предметом родовые вещи, не могут прекратиться вследствие физической невозможности исполнения" [7]. Аналогично мнение Е. А. Суханова [23], С. А. Степановой [24], Л. А. Лунца и И. Б. Новицкого [25]. Последние два автора особенно часто цитируются, так как их перу принадлежит высказывание о том, что "обязательство, имеющее своим предметом вещи, определенные родовыми признаками, лишь в исключительных случаях прекращается невозможностью исполнения, так как доказать полное отсутствие в обороте вещей данного рода обычно весьма трудно («род никогда не погибает»)" [25].

Аналогичной позиции придерживаются судебные органы РФ. Так согласно Постановлению Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 08.10.1998 N 13/14 "судам следует учитывать, что в соответствии с п. 3 ст. 401 [ГК РФ] ["Основания ответственности за нарушение обязательства"] отсутствие у должника денежных средств, необходимых для уплаты долга по обязательству, связанному с осуществлением им предпринимательской деятельности, не

является основанием для освобождения должника от уплаты процентов, предусмотренных ст. 395 [ГК РФ] [“Ответственность за неисполнение денежного обязательства”] [26]. Таким образом, невозможность исполнения денежного обязательства может существовать лишь в том почти невероятном случае, когда денежная масса отсутствует в обороте вообще.

Напрашивается вывод о том, что Кассационный Суд РФ в своей практике признал теорию экономического форс мажора. Такое положение может показаться непроблематичным; ведь в конце концов можно исходить из того, что цель законодательства в том и заключается, чтобы защитить лицо от неблагоприятных непредвиденных изменений, которые в том числе могут поставить его в тяжелое материальное положение, настаивая кредитор на исполнении. Однако это не совсем так.

Следует учитывать то обстоятельство, что экономическое затруднение законодателем урегулировано по иному, имеются иные критерии применения норм ст. 467 ГК РФ, и в конце концов наличны различные последствия и пути разрешения подобных проблем.

Так, как уже было отмечено выше, для применения правил п. 3 ст. 417 ГК РФ об освобождении от ответственности необходимо: а) чрезвычайное и непредотвратимое обстоятельство; б) невозможность исполнения обязательства; в) наличие причинно-следственной связи между чрезвычайным и непредотвратимым обстоятельством и невозможностью исполнения. В противовес этому для применения правил ст. 467 существуют совершенно иные критерии. Так, например, изменение обстоятельств может быть в принципе предотвратимым, например, предприниматель может предотвратить гибель товара от внезапного паводка, что потребует от него затрат значительно превышающих стоимость названного товара (при условии конечно, что предприниматель все же проявил необходимую заботливость и осмотрительность). Кроме того, при существенном изменении обстоятельств не может быть речи о невозможности исполнения - физической или юридической. К таким ситуациям необходимо применять положения п. 3 ст. 417 и ст. 432 ГК РФ, если это невозможность, за которую ни одна из сторон не отвечает; если же сторона ответственна за невозможность, то она и должна нести негативные последствия такой невозможности.

Кроме того, следует иметь в виду, что правила о существенном изменении обстоятельств не затрагивают вопрос ответственности за неисполнение. Они позволяют сторонам или суду изменить или расторгнуть договор, в то время как правила п. 3 ст. 417 ГК РФ рассматривают вопрос ответственности. В то же время положения ст. 432 ГК РФ не дают возможности изменить договор. Более того, различна и сфера регулирования двух норм, так как правила о невозможности применимы к обязательствам вообще, а правила об изменении обстоятельств лишь к договорам.

Имея в виду все вышеизложенное, вернемся теперь к конкретному делу рассмотренному нами выше. Не подлежит сомнению обстоятельство, что стороны при заключении договоров исходили из соображений о том, что свиньи, приобретенные на сумму кредитов не будут поражены чумой, и если бы они могли разумно предвидеть такое обстоятельство, то кредитор бы наверняка отказался от выдачи кредита, либо потребовал бы застраховать скот, или предоставить дополнительное обеспечение. Одним словом, стороны скорее всего не заключили бы договор, или заключили бы его на значительно отличающихся условиях. Однако на этом сравнительно определенный характер ситуации заканчивается, так как из материалов дела сложно сделать вывод о том, мог ли заемщик, проявив достаточную степень заботливости и осмотрительности, предотвратить распространение заболевания. Нет ответа на вопрос: был ли введен карантин, проводилась ли дезинфекция, регулярно ли проверялось здоровье животных, соблюдались ли санитарные нормы и т. п. Ответ на названные вопросы позволил бы определить возможность применения положений ст. 467 ГК РФ.

Кроме того, следует иметь в виду, что заемщик являлся предпринимателем, который брал кредит на разведение скота. Предполагается, что в таком случае предприниматель должен сам нести риски неуплаты долга, в том числе вследствие гибели предмета своей деятельности. Такой риск не может быть возложен на кредитора, так как является обычным риском предпринимательской деятельности заемщика, и именно заемщик находится в том положении, чтобы предотвратить такие риски.

Заключение

Подводя итоги, можно заключить, что положения п. 3 ст. 417 ГК РА об освобождении должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства применимы лишь в тех случаях, когда исполнение стало физически или юридически невозможным. Таков и критерий для применения положений ст. 432 ГК РА, так как невозможность является самостоятельной правовой категорией и должна трактоваться единообразно. При применении названных положений следует иметь в виду, что экономическая невозможность не может быть основанием применения положений ГК РА о невозможности.

В частности, не может быть признано невозможным исполнение денежного обязательства или обязательства по передаче вещей, определяемых родовыми признаками, за исключением редких случаев полного отсутствия таких вещей в обороте.

В ситуациях, когда чрезвычайное событие сделало исполнение крайне затруднительным для должника, однако физически и юридически возможным, могут быть применены лишь правила об изменении обстоятельств, при условии соблюдения установленных в ст. 467 ГК РА требований.

Примечания:

1. Gordley J. *Impossibility and Changed and Unforeseen Circumstances* // *American Journal of Comparative Law*. 2004. 52. С. 513-530

2. Генкин Д. М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М. Статут, 2005. С. 176-201.

3. Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве (часть общая). Душанбе. Ирфон. 1972. 225 с.

4. Савиньи Ф. К. *Обязательственное право: пер. с нем.* / Ф. К. Савиньи; пер. [и предисл.] В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. 600 с.

5. Шершеневич Г.Ф. *Учебник русского гражданского права. Учебник русского гражданского права. Т. 1.* / Г.Ф. Шершеневич. М. Бр. Башмаковы, 1914. 483 с.

6. Брагинский М. И., Витрянский В. В. *Договорное право: в 2 кн.* М. Статут, 2001. Кн. 1 Общие положения. 428 с.

7. Бациев В. В. *Практический комментарий отдельных положений главы 26 ГК РФ о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете)* // *Арбитражные споры*. 2007. N 4. С. 113-138

8. *Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 18.09.2009 on the case "Vagev" LLC vs. "Erevan Jur" CJSC, demanding restauration of water supply and demages, civil case EKD/0883/02/08* // <http://irtek.am>

9. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) Дело № 2-1280-15, Якутск, 18 февраля 2015 года

10. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Информационное письмо № 104 от 21 декабря 2005 г.

11. Федеральный Закон "О внесении изменений в Часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации" от 8 марта 2015 года N 42-ФЗ // pravo.gov.ru/laws/acts/19/52504510601047.html

12. Безик К. С. Реализация принципа добросовестности при регулировании прекращения обязательств / К. С. Безик // *Тенденции развития частного права: материалы Байкал. Междунар. правовой шк. пос. Большие Коты, Иркут. обл., 20-25 авг. 2012 г.* Иркутск. Издательство Иркутского Государственного Университета. 2012. С. 183-195.

13. Эрделевский А. М. Прекращение обязательств невозможностью исполнения // "Законы России: опыт, анализ, практика". 2007. N 8. С. 25- 31.

14. Павлов А. А. Некоторые вопросы учения о невозможности исполнения обязательств // *Очерки по торговому праву. Вып. 11.* Ярославль, 2004. С. 52 – 60

15. Венедиктов А. В. *Война, рост цен и старые контракты* // *Очередные вопросы финансовой и экономической политики; Вып. 2.* Пг, 1917. 40 с.

16. Канторович Я. А. "Невозможность" исполнения обязательств: (Отгиск из журнала "Право"). Петроград. Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1917. 32 с.

17. Hartkamp A. S. (Editor). *Towards a European Civil Code, Second revised and expanded edition.* / Tallon D. Kluwer Law International, Hague/London/Boston, 1998, 652 p.
18. Republic of Armenia Government Decree N 437-N dated 22 March 2012 // <http://irtek.am>
19. Republic of Armenia Government Decree N 1421-N dated 1 November 2012 // <http://irtek.am>;
20. Mayor of Yerevan Ordonance N 2960-N dated 31 July 2014 // <http://irtek.am>
21. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 17.04.2009 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
22. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 27.05.2011 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
23. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4-х томах. 3-е изд., перераб. и доп. "Волтерс Клувер" М. 2008. Том 3. 766 с.
24. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая / Степанова С.А. (ред.) 2-е изд., перераб. и доп. М. Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. 1504 с.
25. Лунц Л. А. Новицкий И. Б. *Общее учение об обязательстве.* М. Госюриздат. 1950. 416 с.
26. Постановление Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.10.1998 N 13/14

References:

1. Baciev V. V. *Prakticheskij kommentarij otdel'nyh polozhenij glavy 26 GK RF o prekrashhenii objazatel'stv (za iskljucheniem polozhenij o zachete)* // *Arbitrazhnye spory.* 2007. N 4. S. 113-138
2. Bezik K. S. *Realizacija principa dobrosovestnosti pri regulirovanii prekrashhenija objazatel'stv* / K. S. Bezik // *Tendencii razvitija chastnogo prava: materialy Bajkal. Mezhdunar. pravovoj shk. pos. Bol'shie Koty, Irkut. obl., 20-25 avg. 2012 g. Irkutsk. Izdatel'stvo Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2012. S. 183-195.
3. Braginskij M. I., Vitrjanskij V. V. *Dogovornoe pravo: v 2 kn. M. Statut, 2001. Kn. 1 Obshhie polozhenija.* 428 s.
4. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 18.09.2009 on the case "Vagev" LLC vs. "Erevan Jur" CJSC, demanding restoration of water supply and damages, civil case EKD/0883/02/08 // <http://irtek.am>
5. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 17.04.2009 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
6. Decision of the Court of Cassation of The Republic of Armenian, dated 27.05.2011 on the case "Ardshininvestbank" CJSC vs. "Landras" LLC, demanding bankruptcy of the debtor, civil case EQD/0595/04/08 // <http://irtek.am>
7. Federal'nyj Zakon "O vnesenii izmenenij v chast' pervuju grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" ot 8 marta 2015 goda N 42-FZ // pravo.gov.ru/laws/acts/19/52504510601047.html
8. Genkin D. M. *K voprosu o vlijanii na objazatel'stvo nevozmozhnosti ispolnenija* // *Sbornik statej po grazhdanskomu i togovomu pravu. Pamjati professora Gabrijelja Feliksovicha Shershenevicha.* M. Statut, 2005. S. 176-201.
9. Gordley J. *Impossibility and Changed and Unforeseen Circumstances* // *American Journal of Comparative Law.* 2004. 52. S. 513-530
10. Hartkamp A. S. (Editor). *Towards a European Civil Code, Second revised and expanded edition.* / Tallon D. Kluwer Law International, Hague/London/Boston, 1998, 652 p.
11. Jerdelevskij A. M. *Prekrashhenie objazatel'stv nevozmozhnost'ju ispolnenija* // *"Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika".* 2007. N 8. S. 25- 31.
12. Kantorovich Ja. A. *"Nevozmozhost" ispolnenija objazatel'stv: (Ottisk iz zhurnala "Pravo").* Petrograd. Tip. Akc. Obshh. Brokgauz-Efron, 1917. 32 s.

13. Lunc L. A. Novickij I. B. Obshee uchenie ob objazatel'stve. M. Gosjurizdat. 1950. 416 s.
14. Mayor of Yerevan Ordonance N 2960-N dated 31 July 2014 // <http://irtek.am>
15. Ojgenziht V. A. Problema riska v grazhdanskom prave (chast' obshhaja). Dushanbe. Irfon. 1972. 225 s.
16. Pavlov A. A. Nekotorye voprosy uchenija o nevozmozhnosti ispolnenija objazatel'stv // Ocherki po trgovomu pravu. Vyp. 11. Jaroslavl', 2004. S. 52 – 60
17. Postanovlenie Plenumov Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii i Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 08.10.1998 N 13/14
18. Prezidium Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii, Informacionnoe pis'mo № 104, Moskva, 21 dekabrja 2005 g.
19. Republic of Armenia Government Decree N 1421-N dated 1 November 2012 // <http://irtek.am>
20. Republic of Armenia Government Decree N 437-N dated 22 March 2012 // <http://irtek.am>
21. Reshenie Jakutskogo gorodskogo suda Respubliki Saha (Jakutija) Delo № 2-1280-15, Jakutsk, 18 fevralja 2015 goda
22. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij). Chasti pervaja, vtoraja, tret'ja, chetvertaja / S.A. Stepanova (red.). 2-e izd., pererab. i dop. M. Prospekt; Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2009. 1504 s.
23. Savin'i F. K. Objazatel'stvennoe pravo: per. s nem. / F. K. Savin'i; per. [i predisl.] V. Fuks i N. Mandro. M. 1876. 600 s.
24. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T.1. / G.F. Shershenevich. M. Br. Bashmakovy, 1914. 483 s.
25. Suhanov E. A. Grazhdanskoe pravo. V 4-h tomah. 3-e izd., pererab. i dop. "Volters Kluver" M. 2008. Tom 3. 766 s.
26. Venediktov A. V. Vojna, rost cen i starye kontrakty // Ocherednye voprosy finansovoj i jekonomicheskopolitiki; Vyp. 2. Pg. 1917. 40 s.

УДК 347.447.72

Разграничение институтов существенного изменения обстоятельств и невозможности исполнения в гражданском праве Республики Армения

Айк Геворгович Малхасян

Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
 Ереван, 0051, ул. Овсепа Эмина 123
 Аспирант
 E-mail: hayk.g.malkhasyan@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопрос разграничения сфер применения институтов существенного изменения обстоятельств и невозможности исполнения в армянском гражданском праве. Оба института признаются гражданским провам, но имеют различную правовую природу, применяют различные критерии для защиты кредитора и имеют различные правовые последствия. Так, невозможность вследствие воздействия непреодолимой силы исключает ответственность должника за неисполнение. Невозможность также может повлечь прекращение обязательства. В то же время при существенном изменении исполнение не невозможно, но чрезмерно обременительно и непропорционально вследствие непредвиденного и неконтролируемого события. Существенное изменение может привести к изменению или расторжению договора. В этом ключе рассмотрена концепция “экономической невозможности” и достигнуто заключение о том, что судам не следует ее признавать. Автором обосновывается тезис о том, что правила о невозможности применимы лишь к случаям физической или юридической невозможности, в то время как правила о существенном изменении применимы к случаям экономического затруднения вследствие непредвиденного события.

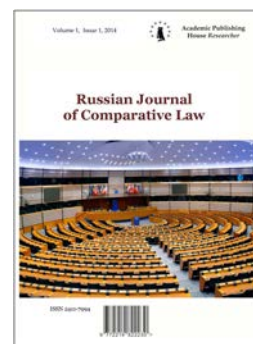
Ключевые слова: невозможность исполнения, существенное изменение обстоятельств, force majeure, Гражданское право Республики Армения.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 2, Is. 2, pp. 71-79, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.2.71
<http://ejournal41.com>

UDC 347.45/.47

Requirements for Advertising in Armenia and Abroad

Levon A. Sargizov

Russian-Armenian (Slavonic) university, Armenia
123 Hovsep Emin str., Yerevan, 0051
PhD student
E-mail: levon-saver@mail.ru

Abstract

The article presents some of the requirements for advertising, as well as special advertising bans established by the RA legislation and a number of other countries (CIS countries, Lithuania, Latvia, Estonia, the USA, India and others). Particularly, there was held an analysis of the requirements for legality, reliability and propriety of advertising, as well as of the special requirements to advertising in various sectors. This paper considers some of the requirements that are absent in the Armenian legislation, but presented under the law of other countries.

There was held an analysis of the international legal practice and considered some court cases in this area. Special attention was paid to the International Code of Advertising Practice and "caveat emptor" principle, which means "let the buyer be alert," used in the United States. In conclusion, there was presented a number of proposals for changes in the legislation of Armenia.

Keywords: advertising, reliable advertising, proper advertising decent, fair advertising, caveat emptor.

Введение

В области рекламной практики наряду с гражданско-правовым регулированием важное место занимает также государственный контроль за деятельностью субъектов рекламной деятельности, а также создаваемой ими рекламной продукцией. Такое регулирование осуществляется с помощью особо установленных требований или запретов к тому или иному виду рекламы. В данной работе была сделана попытка проанализировать международную практику в данной области, а также провести сравнительный анализ между законодательством Армении и другими государствами, учитывая то, что ряд стран имеют более богатый опыт и историю в данной сфере.

Материалы и методы

Основными источниками для написания данной статьи стали законодательства множества стран, а также результаты научных работ в области рекламной деятельности и судебная практика государств. В ходе исследования использовались как общенаучные методы познания, так и частноправовые методы (исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический, анализ, синтез).

Обсуждение

В данной статье речь пойдет о требованиях, предъявляемых к рекламе, а также о некоторых ограничениях, установленных законодательством РА. Согласно ст. 5 закона РА “О рекламе” – “Общие требования к рекламе”, указано, что реклама должна быть законной, достоверной и пристойной. Основные требования к критерию законности установлены ст. 6 закона РА “О рекламе”: запрещается такая реклама, которая осуществляется с использованием: а) доверия граждан, недостатка у них опыта или знаний; б) дискредитации потребителей, не пользующихся рекламируемыми товарами; в) предрассудков и суеверия; г) выражений, дискредитирующих конкурента или группу конкурентов, а также свойств производимых и реализуемых товаров или некорректных сравнений с другими юридическими и физическими лицами и товарами; д) информации, не соответствующей реальной величине спроса на товар; е) призывов, побуждающих граждан к насилию, агрессии, панике, а также нарушению общепринятых норм морали; ж) призывов и аргументации, направленных против окружающей среды; з) призывов и аргументации, побуждающих к действиям, угрожающим жизни, здоровью или безопасности потребителя; и) проекта, текста, рекламных формул, изображений, музыкальных и звуковых эффектов и иных средств для введения потребителей в заблуждение.

Что касается достоверности рекламы, то она должна быть достоверной по отношению к: а) характеристике товара - природе, составу, дате изготовления, назначению, потребительским свойствам, условиям применения, соответствиям стандарту, количеству, стране происхождения; б) стоимости и цене товара на момент опубликования рекламы; в) дополнительным условиям оплаты; г) доставке, обмену, возврату, ремонту, обслуживанию и эксплуатации товара; д) гарантийным обязательствам; е) авторским правам и правам собственности производителя, в частности, лицензиям, образцам и др.; ж) правам на использование товарного знака (марка обслуживания); з) официальному признанию, получению дипломов, медалей, призов и иных наград; и) предоставлении информации о способах приобретения полной серии, если товар является частью серии; к) результатам исследований и испытаний, цитатам из технических и научных публикаций; л) статистическим данным, не соответствующим действительности; м) правильному использованию научных терминов; и) ссылкам на рекомендации или одобрению юридических или физических лиц, а также использованию просроченных или краткосрочных рекомендаций или одобрений; о) сравнениям с другими товарами, с правами и положением других юридических или физических лиц.

Реклама также должна быть пристойной: то есть она не должна: а) дискредитировать общепринятые и национальные нормы морали; б) содержать оскорбительные выражения, сравнения и образы в отношении расы, национальности, профессии или социального происхождения, возрастной группы или пола, языка, религиозных или иных убеждений; в) прямо или косвенно порочить государственные символы (герб, флаг, гимн, денежный знак и т.д.) или выражать неуважительное отношение к ним; г) дискредитировать юридических и физических лиц, а также производственную, коммерческую или иную деятельность, профессию, ассортимент и т.д. [1].

В законодательствах других стран также содержатся аналогичные положения. Так, в РФ реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются (ст. 5 закона о рекламе) [2].

В Латвии основные требования к рекламе следующие: реклама должна быть законной, правдивой и объективной, она создается согласно честной рекламной практике. Реклама не должна уменьшать доверие общества к рекламе и она должна соответствовать принципам честной конкуренции (ст. 3) [3]. Нельзя не заметить, что данное положение содержит такие оценочные понятия как “честная рекламная практика” и “честная конкуренция”. Данные понятия в законе не раскрываются, поэтому можно предположить, что закон оставляет достаточное пространство для комментирования и понимания данных терминов. На наш взгляд, применительно к Республике Армения более подходящим вариантом видится четкое перечисление запретов и требований к рекламе, тем более, что под понятием “честная конкуренция” скрываются положения, касающиеся дискредитации конкурентов, нарушений норм морали и т.д., а термин “честная рекламная практика”, на наш взгляд, включает в себя правила делового оборота в данной сфере.

Более того, в законодательствах многих стран, как например, Эстонии, Литвы, Китая, присутствует положение, согласно которой реклама должна быть распознаваемой, т.е. иметь легко узнаваемые признаки, интерпретироваться как реклама при обычном внимании общества (ст. 8) [4], (ст. 3) [5], (ст. 13) [6]. Данное положение очень важно, поскольку, зачастую бывает очень сложно провести линию между рекламой и обычной информацией. Некоторые признаки, присущие рекламе (цель продвижения товаров на рынке или способность и направленность на привлечение внимания) трудно определяемы и сложно доказываются.

Статья 7 закона Литвы “О рекламе” устанавливает, что если имеется вероятность того, что пользователями рекламы оглашаемая реклама из-за формы её представления может быть не распознана, такая реклама должна быть помечена словом “реклама”.

Было бы уместно также рассмотреть несколько дел, касающихся рекламы. Например, ФАС Западно-Сибирского округа в Постановлении от 14 августа 2008 г. N Ф04- 5055/2008 (10062-А67-6) указал, что отсутствие в тексте рекламы о потребительском кредитовании существенных сведений искажает смысл информации, поскольку одно лишь включение в рекламу словосочетания “работаем в кредит” не дает потребителям объективного представления об условиях приобретения товара и вводит потенциальных клиентов в заблуждение. Данный факт квалифицирован судом как административное правонарушение законодательства о рекламе [7].

Чтобы обобщить также вышеуказанные требования к рекламе, было бы целесообразно обратиться к Международному кодексу рекламной практики, которая оценивает рекламу как средство воздействия на потребителя, и по этой причине должна быть законной, пристойной, честной и достоверной. Всякая реклама должна разрабатываться с высокой степенью ответственности перед обществом и соответствовать принципам добросовестной конкуренции, общепринятым в коммерческой деятельности [8].

Данный кодекс, в первую очередь, является средством самодисциплины, однако он также предназначен для использования судами в качестве справочного документа в рамках соответствующего законодательства. Это некий свод общепринятых правил и норм поведения в рекламной сфере, носящих рекомендательный характер.

У ведущей страны в области рекламы - США - несколько иной подход к понятиям достоверности и пристойности. В США распространен принцип “caveat emptor”, что означает “пусть покупатель будет начеку”. Основной целью рекламщиков является сбыт товара, независимо от того, содержится ли ложь в рекламе. Главное - не вызывать возмущения у потребителей и не привлекать внимания Федеральной торговой палаты. Также здесь уместно говорить о термине “puffery”, т.е. надувательство или так называемая “дутая реклама” [9. С. 41].

Сэм Бейкер писал, что для увеличения продаж можно использовать любые средства, даже такие как обман, ложь, лишь бы они не противоречили закону. Такое отношение можно назвать позволительной ложью, про которую также говорят, что это лишь половина правды, но худшая ее часть [10. С. 14].

Конечно же, закон и государство должны обеспечивать, в первую очередь, защиту интересов потребителей, однако, как показывает практика, не только в США, но и во всем мире, рекламная деятельность, как и весь бизнес живет по своим правилам. Интересен пример, приведенный О. Фроловым, который применим также и к рекламе в Армении и других странах – в одном американском журнале были напечатаны следующие рекламные объявления: “Аспирин фирмы “Байер” превосходит все другие лекарства данного типа, включая самое сильное, претендующее на то, что оно на 50% сильнее”, “Экседрин на 50% сильнее, чем аспирин”, и там же “Бафферин облегчает боль в 2 раза быстрее аспирина” [9. С. 91].

В отличие от вышеуказанных стран, где правовое регулирование рекламы осуществляется на основании единого закона о рекламе, есть государства, где нет единого закона, вместо этого существует ряд разных законов, в которых содержатся положения различного рода, регулирующие рекламную деятельность. Такой страной является, к примеру, Индия. Так, рекламная деятельность регулируется законами о защите прав потребителей, о сигаретах и табачных изделиях, о кабельном телевидении, о лекарственных средствах, о наркотиках, об эмблемах и названиях и т.д.

Верховный суд Дели в деле *Reckitt & Colman v. Kiwi TTK* также выразил важную точку зрения насчет достоверности информации в рекламе. Он отметил, что закон дает право производителю заявлять, что его товар является самым лучшим, а также делать “дутые” (puffing) заявления, но в то же время запрещает делать ложные заявления или унижать конкурентов, производителей и выпускаемых ими подобных товаров [11].

Кстати, сомнения в достоверности рекламы можно было предъявить и самому Наполеону Бонапарту. В 1797 году он сделал отличную рекламу своей валюте и стране, распространив весть о том, что в одну из момент 5-ти франкового достоинства запечатан банковский чек на миллион франков на предъявителя. Французский банк и сегодня гарантирует выплату указанной суммы, но чек до сих пор не предъявлен [12].

Необходимо принять и другую точку зрения – реклама не может и не должна быть полностью достоверной. Например, никто не поверит, что от конфет “Mentos” голова может покрываться льдом, или что можно спокойно пылесосить при спящем тигре.

Обратимся также к основным требованиям, предъявляемым к отдельным видам товаров, услуг, работ, а также местам рекламирования и аудитории рекламы.

В первую очередь, определенные ограничения существуют в целях защиты несовершеннолетних, поскольку, как указывалось ранее, реклама является мощным средством воздействия на потребителей. Таким образом, ст.14 закона РА “О рекламе” запрещает такую рекламу, в которой могут быть использованы легковерность и неопытность несовершеннолетних, а также содержаться фрагменты, которые могут нанести моральный или физический ущерб или же такая реклама, в которой подрывается авторитет родителей. Та же статья гласит, что рекламирование алкогольных напитков и табачной продукции в детских передачах (теле-, радио- или печатных изданиях), в любых учебных, культурных, спортивных, объектах общественного питания и т.д. запрещается. Важным запретом является использование образов несовершеннолетних в рекламе, если рекламируемый товар не имеет отношения к несовершеннолетним.

Закон РФ “О рекламе” имеет более подробный перечень требований к рекламе, направленной несовершеннолетним. Так, в ст. 6 называется такая реклама, которая побуждает несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей или других лиц приобрести рекламируемый товар, или создает у несовершеннолетних искаженное представление о доступности товара для семьи с любым уровнем достатка, или создает у несовершеннолетних впечатление о том, что обладание рекламируемым товаром ставит их в предпочтительное положение перед их сверстниками, или показывает несовершеннолетних в опасных ситуациях и т.д.

Также законодательства многих стран, в том числе и Армении, содержат положения, касающиеся особенностей рекламы отдельных видов товаров. К таким товарам, в основном, относятся алкогольные напитки и табак, лекарственные средства, медицинская техника, наркотических веществ, оружия, а также финансовых, страховых услуг и т.д.

Обратимся, в первую очередь, к алкоголю и табаку. Статья 15 закона РА “О рекламе” запрещает внушать, что алкоголь и табак имеют целительные, стимулирующие, успокаивающие и снимающие напряжение свойства, а также побуждать потребителей к широкому употреблению этих товаров. Более того, в рекламе табака обязательно должна содержаться информация, предупреждающая о вреде курения, а также в рекламе как табака, так и алкоголя запрещено демонстрировать процесс их употребления. Существует запрет на размещение рекламы данных товаров на обложке или первой или последней странице газет и журналов. В Армении также запрещена наружная реклама табачных изделий.

Законодательное регулирование размещения рекламы алкогольной и табачной продукции в других государствах – участниках СНГ в целом имеет много схожего. Однако следует отметить наиболее интересные различия.

В Кыргызской Республике в рекламе алкогольных напитков, табака и табачных изделий запрещено использовать образы лиц в возрасте до 35 лет, а также высказывания или участие лиц, пользующихся популярностью у лиц в возрасте до 21 года. Кроме того, запрещено распространение, в том числе продажа широкому кругу лиц, товаров, не имеющих отношение к процессу потребления алкогольных и табачных изделий (футболки, головные уборы, зонты, сумки и т.п.), на внешнюю сторону которых нанесены названия или изображения алкогольных или табачных изделий. Указанный запрет не распространяется

на предметы обихода и утвари, находящиеся в барах, ресторанах, гостиницах и других подобных заведениях, а также транспортные средства, используемые для распространения табачной и алкогольной продукции и розничной торговли ими [13. С. 19].

Украина является единственным государством – участником СНГ, закрепившим в своем законодательстве норму, обязывающую рекламодателей алкогольных напитков и табачных изделий направлять на распространение социальной рекламы о вреде табакокурения и злоупотребления алкоголем не менее 5 % средств, потраченных ими на распространение рекламы табачных изделий и алкогольных напитков в пределах Украины [13. С. 20].

Другой немаловажной отраслью является медицина. При рекламе лекарств в СМИ, обязательно должно быть указаны номер и дата разрешения, выданного министерством здравоохранения РА, а также номер и дата сертификата и т.д.

Запрещается реклама контролируемых, отпускаемых по рецепту врача и незарегистрированных в Республике Армения лекарств. Введен также запрет на рекламу лекарств посредством наружных рекламных щитов. Особенностью законодательства Армении является установление запрета на рекламу органов и тканей человека, имеющую коммерческий характер.

По законодательству Беларуси, Молдовы Казахстана и Кыргызстана реклама лекарственных средств, отпускаемых по рецепту врача, а также изделий медицинского назначения и медицинской техники, использование которых требует специальной подготовки, допускается только в печатных изданиях, предназначенных для медицинских и фармацевтических работников. В Российской Федерации, помимо печатных изданий, такая реклама допускается в местах проведения медицинских или фармацевтических выставок, семинаров, конференций и иных подобных мероприятий [13. С.22].

В некоторых государствах самостоятельно регламентируется также реклама косметических средств и биологически активных пищевых добавок. В частности, в Российской Федерации специальных требований для рекламы косметических средств не установлено, однако регулированию размещения рекламы биологически активных добавок посвящена отдельная статья Федерального закона «О рекламе». В других государствах – участниках СНГ в случае если реклама указанной продукции регламентируется законодательством о рекламе, это делается в рамках статьи, устанавливающей правила распространения рекламы лекарственных средств и медицинской техники [13. С. 23].

Однако в ст. 25 закона РФ «О рекламе» говорится, что при рекламировании биологически активных добавок должно быть предупреждение о том, что объект рекламирования не является лекарственным средством.

Российская Федерация – единственное государство – участник СНГ, в котором полностью запрещается реклама медицинских услуг по искусственному прерыванию беременности (п. 9 ст. 7).

Что касается рекламы оружия и боеприпасов, то оно в Республике Армения запрещается, за исключением охотничьего и спортивного оружия и боеприпасов. Схожие нормы содержатся и в законодательстве других стран. Но в отличие от Армении, в Беларуси, Казахстане, Кыргызской Республике такая реклама может быть осуществлена только в специализированных местах, предназначенных для этих целей (ст. 19) [14], (ст. 13) [15], (ст. 16) [16]. Важным вопросом является реклама финансовых услуг, включая страховые, инвестиционные и другие области.

Основным правилом является то, что реклама вышеупомянутых услуг может осуществляться специализированными организациями, имеющими соответствующую лицензию.

В основном запреты касаются также предоставлению гарантий, прогнозов, количественной информации, не имеющей непосредственного отношения к рекламируемым услугам или ценным бумагам и др.

Однако существуют и иные, более подробно регулирующие нормы в данной области. В РА в финансовой области есть ряд законов – «О банках и банковской деятельности», «О страховании и страховой деятельности», «О кредитных организациях», «О рынке ценных бумаг» и др., а также принятые на их основании положения Центрального банка РА. Таковым является, например, Положение 8/03 ЦБ РА, глава 6 которой посвящена рекламе [17].

Весьма существенно реклама финансовых услуг и ценных бумаг регламентирована в законодательстве о рекламе Российской Федерации. Помимо общих требований, установленных к рекламе банковских, страховых и иных финансовых услуг, специальные требования установлены в отношении рекламы следующих видов финансовых услуг: кредиты, услуги, связанные с осуществлением управления, включая доверительное управление активами (в том числе ценными бумагами, инвестиционными резервами акционерных инвестиционных фондов, паевыми инвестиционными фондами, пенсионными резервами негосударственных пенсионных фондов, средствами пенсионных накоплений, ипотечным покрытием, накоплениями для жилищного обеспечения военнослужащих); реклама, связанная с привлечением денежных средств участников долевого строительства для строительства (создания) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости; реклама, связанная с привлечением и использованием жилищным накопительным кооперативом денежных средств физических лиц на приобретение жилых помещений (ст. 18, 19) [2].

В Армении законодатель обратился к сходным с финансовыми услугами азартным играм и играм с выигрышем, а также к так называемой “зонтичной” рекламе. Зонтичная реклама, согласно ст. 2 закона РА “О рекламе”, такая реклама, где используемые товарные знаки или фирменные наименования товаров и услуг идентичны или настолько похожи с товарными знаками товаров, услуг, или фирменными наименованиями, по отношению к которым настоящим законом введены ограничения, что могут ввести в заблуждение. Следует сказать, что армянский законодатель дал крайне узкое определение такой рекламы. К зонтичной рекламе можно также отнести такую рекламу, которая заключается в выпуске под одной маркой сразу нескольких групп товаров или товарных категорий, при этом в названии товаров доминирует имя компании-производителя, а в рекламе продукции компании демонстрируется её логотип [18].

В РФ существует также законодательное регулирование деятельности медиаторов, а также особые требования, связанные с рекламой товаров при дистанционной продаже. Так, ст. 8 российского закона “О рекламе” устанавливает, что в рекламе товаров при дистанционном способе их продажи обязательно должны быть указаны сведения о продавце таких товаров.

В целом, в большинстве государств законодательно закреплено, что реклама запрещенных законом товаров и услуг запрещается. К таковым можно отнести, например, рекламу проституции, закрепленной в ст. 20 закона “О рекламе” Эстонии.

Довольно интересные ограничения в мире существуют для рекламы адвокатских услуг. В настоящее время в России действует Кодекс профессиональной этики адвоката. Напрямую кодекс не запрещает рекламу адвокатских услуг, но вводит довольно серьезные ограничения, делающие рекламу таких услуг практически невозможной. В ст. 17 данного кодекса говорится:

“1. Информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит:

- 1) оценочных характеристик адвоката;
- 2) отзывов других лиц о работе адвоката;
- 3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов;
- 4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды” [19].

В целом данное ограничение исходит из того, что адвокатская деятельность издавна считалась “благородной” и она не была направлена на получение прибыли, т.е. не являлась чисто предпринимательской деятельностью, за что адвокаты и получали не прибыль, а вознаграждение.

Мировая практика также относится к рекламе адвокатских услуг неоднозначно. Во Франции реклама адвокатских услуг прямо запрещена законом. Верховный суд США признал законодательный запрет рекламы адвокатских услуг неконституционным, хотя Кодексы адвокатской этики большинства штатов США содержат положения о неэтичности адвокатской рекламы. За нарушение этических принципов, допустим, за размещение рекламы адвоката на консервных банках, одноразовой посуде и т.п., предусматривается дисциплинарное взыскание [20. С. 168].

Стоит также обратиться к некоторым требованиям, имеющимся в законодательствах других стран, но отсутствующих в РА.

В первую очередь, речь идет о так называемой "скрытой рекламе". Так, согласно ст. 8 закона Эстонии "О рекламе", скрытой рекламой признается такая реклама, которая независимо от средств или способов раскрытия, не может быть ясно выделена при обычном внимании общества и разбита на группы, исходящие из другой информации, раскрытой на том же носителе медиа в то же самое время. Такая реклама запрещается [5].

Российский Закон "О рекламе" также содержит нормы, касающиеся скрытой рекламы. Так, ч. 9 ст. 5 данного закона гласит, что не допускается распространение скрытой рекламы, то есть рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителями рекламы воздействие на их сознание, в том числе такое воздействие путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами [2]. Проще говоря, речь идет, в основном об использовании в кинофильмах или передачах рекламы, которая не является явно распознаваемой, тем самым предоставляя возможность рекламодателям обходить требования законодательства о рекламе.

Заключение

Учитывая вышеупомянутое регулирование критерия распознаваемости в других странах, было бы уместным добавить в ст. 5 закона РА "О рекламе" положение, регулирующее скрытую рекламу: "Реклама должна быть ясно распознаваемой по форме её представления. Запрещается реклама, которая не может быть ясно выделена и распознана при обычном внимании и которая исходит из другой информации, раскрытой на том же носителе медиа в то же самое время".

Другим пробелом является отсутствие четкого регулирования сравнительной рекламы. Основными требованиями к сравнениям в сфере рекламы в Армении являются запрет на рекламу с использованием некорректных сравнений с другими юридическими и физическими лицами и товарами, рекламу, где нарушается достоверность и которая касается сравнений с другими товарами, с правами и положением других юридических или физических лиц, а также рекламы, содержащей сравнения и образы в отношении расы, национальности и т.д.

В большинстве стран, сравнительная реклама допускается, но с учетом некоторых правил. Так, закон Литвы разрешает сравнительную рекламу, которая соответствует следующим условиям: не вводит в заблуждение, сравниваются однородные товары, используемые для одних и тех же целей, в ней объективно сравниваются существенные, поддающиеся проверке и характерные свойства товаров или услуг, включая цену, не дискредитирует и не клеветает на товары, услуги, товарные знаки, название фирмы, другие знаки отличия, деятельность, юридическое, финансовое или другое положение конкурента и другие условия (ст. 6) [4]. Считаю также целесообразным дополнение закона РА "О рекламе" нормой, схожей с вышеупомянутой нормой законодательства Литвы.

Примечания:

1. Закон РА "О рекламе" от 30.04.1996 г. // <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1707&lang=rus>
2. Федеральный Закон "О рекламе" от 13.03.2006 г. // <http://www.consultant.ru/popular/advert/>
3. Закон Латвийской Республики "О рекламе" от 20.12.1999 г. // <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=117>
4. Закон Литовской Республики "О рекламе" от 18.07.2000 г. // <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=204>
5. Закон Эстонской Республики "О рекламе" от 12.03.2008г. // <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=202>
6. Закон КНР "О рекламе" от 27.10.94 г. // <http://law.uglc.ru/advertisement.htm/2>
7. Постановление Федерального арбитражного суда ЗападноСибирского округа от 14 августа 2008 г. N Ф04-5055/2008(10062-А67-6) [электрон, ресурс] // СПС ГАРАНТ.
8. Международный кодекс рекламной практики Международной торговой палаты 1937 г. (в ред. декабря 1986 г.) // <http://zakon.kuban.ru/nd1/mkrp.htm>

9. Феофанов О.А. США: реклама и общество. М.: “Книга по требованию”, 2012.
10. Backer S. Permissible lie. Beacon Press, 1968. P. 14
11. <http://www.lawteacher.net/free-law-essays/commercial-law/advertising-laws-in-india-law-essays.php>
12. Маркович А.В. Реклама (рекламная деятельность) как вид предпринимательской деятельности в России: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 М., 2010. С. 105-106.
13. Обзор деятельности в области рекламы в государствах – участниках СНГ. М.: Международный совет по антимонопольной политике, 2013. С.19
14. Закон Беларуси “О рекламе” от 10.05.2007 г. // <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700225&p2={NRPA}>
15. Закон Казахстана “О рекламе” от 19.12.2003 г. // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1045608
16. Закон Кыргызской Республики “О рекламе” от 24.12.1998 г. // http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_11052.html
17. Решение Совета Центрального Банка РА от 02.06.2009 № 166-Н // https://www.cba.am/EN/laregulations/Regulation_8_03.pdf
18. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4
19. Кодекс профессиональной этики адвоката / принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. 2005. N 4-5. [электрон, ресурс] // www.garant.ru
20. Барщевский М. Ю. Адвокатская этика. М., 2000.

References:

1. Закон РА “О рекламе” от 30.04.1996г. // <http://parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1707&lang=rus>
2. Federal'nyi Zakon "O reklame" от 13.03.2006г // <http://www.consultant.ru/popular/advert/>.
3. Zakon Latviiskoi Respubliki "O reklame" от 20.12.1999 г. // <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=117>
4. Zakon Litovskoi Respubliki “O reklame” от 18.07.2000 г. // <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=204>
5. Zakon Estonskoi Respubliki “O reklame” от 12.03.2008 г. // <http://www.advertology.ru/index.php?name=Subjects&pageid=202>
6. Zakon KNR “O reklame” от 27.10.94 г. // <http://law.uglc.ru/advertisement.htm/2>
7. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 14 avgusta 2008 g. N F04-5055/2008(10062-A67-6) // SPS GARANT.
8. Mezhdunarodnyi kodeks reklamnoi praktiki Mezhdunarodnoi trgovoi palaty 1937 g. (v red. dekabrya 1986 g.) // <http://zakon.kuban.ru/nd1/mkrp.htm>
9. Feofanov O.A. SShA: reklama i obshchestvo. M.: “Kniga po trebovaniyu”, 2012.
10. Backer S. Permissible lie. Beacon Press, 1968 – P. 14
11. <http://www.lawteacher.net/free-law-essays/commercial-law/advertising-laws-in-india-law-essays.php>
12. Markovich A.V. Reklama (reklamnaya deyatel'nost') kak vid predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii: dis. ... kand. yur. nauk: 12.00.03. M., 2010. — S. 105-106/
13. Obzor deyatel'nosti v oblasti reklamy v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG– M.: Mezhdunarodnyi sovet po antimonopol'noi politike, 2013 – S.19
14. Закон Беларуси “О рекламе” от 10.05.2007 г. // <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10700225&p2={NRPA}>
15. Закон Казахстана “О рекламе” от 19.12.2003 г. // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1045608
16. Закон Кыргызской Республики “О рекламе” от 24.12.1998 г. // http://www.fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_11052.html
17. Reshenie Soveta Tsentral'nogo Banka RA ot 02.06.2009 № 166-N // https://www.cba.am/EN/laregulations/Regulation_8_03.pdf

18.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B4

19. Kodeks professional'noi etiki advokata / prinyat Pervym Vserossiiskim s"ezdom advokatov 31 yanvarya 2003 g. // Vestnik advokatskoi palaty g. Moskvy. 2005. N 4-5. // www.garant.ru

20. Barshchevskii M. Yu. Advokatskaya etika. M., 2000.

УДК 347.45/.47

Требования, предъявляемые к рекламе в РА и в зарубежных странах

Левон Арменович Саргизов

Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения

Ереван, 0051, ул. Овсепя Эмина 123

Аспирант

E-mail: levon-saver@mail.ru

Аннотация. В статье представлены некоторые требования, а также особые запреты по отношению к рекламе, установленные законодательством РА и ряда других государств (страны СНГ, Литва, Латвия, Эстония, США, Индия и др.). В частности, проанализированы требования к законности, достоверности и пристойности рекламы, а также особые требования, предъявляемые к рекламе, осуществляемой в различных отраслях. В работе рассматриваются также некоторые требования, которые отсутствуют в законодательстве Армении, но предусмотрены в законодательствах других стран. Проведен анализ международно-правовой практики и рассмотрены судебные дела в этой области. Отдельное внимание было уделено Международному кодексу рекламной практики, а также принципу “*caveat emptor*”, что означает “пусть покупатель будет начеку”, применяемой в США. В заключении представлен ряд предложений для внесения изменений в законодательстве Армении.

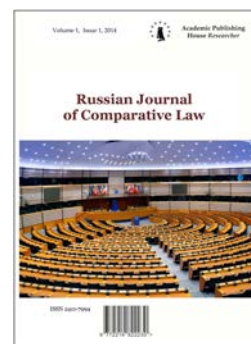
Ключевые слова: реклама, достоверная реклама, пристойная реклама, добросовестная реклама, *caveat emptor*.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Comparative Law
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-7994
Vol. 2, Is. 2, pp. 80-90, 2014

DOI: 10.13187/rjcl.2014.2.80
<http://ejournal41.com>

UDC 341.01

Issues of State Responsibility for Committing an Internationally Wrongful Act by the Predecessor State

Eduard S. Sargsyan

Russian-Armenian (Slavonic) university, Armenia
123 Hovsep Emin str., Yerevan, 0051
PhD student
E-mail: eduard.s.sargsyan@gmail.com

Abstract

This article addressed the issues of succession to international legal responsibility arising as a result of the commission of an internationally wrongful act by the predecessor state, in the context of the unification of states. There was held an analysis of the international legal practice and case law on this type of succession, were identified two groups of unification: the cases of state annexation when the unification takes place via the use of force, and modern cases of unification of states, based on mutual agreement. The article reviewed in detail the judicial precedents resulting from the process of unification of Italy, the work of the Arbitration Commission between the United States and Great Britain in the case of R.E. Brown and Hawaiian claims case, a special attention is paid to the unification of Germany. The article outlines the main trends and characteristics of succession to the international legal responsibility of two groups of unification of states.

Keywords: state succession, international legal responsibility, internationally wrongful act, unification of states.

Введение

Международная практика касательно правопреемства государств по отношению к ответственности за международные противоправные деяния государства-предшественника слишком разнообразна, и обобщить все случаи в единую теорию не представляется возможным. Невозможно сгруппировать практику государств и решения международных и внутригосударственных судов таким образом, чтобы можно было говорить о подтверждении или отрицании доктрины неправопреемствования, нельзя исключать ее применение в конкретных случаях. Учитывая вышесказанное, в данной работе сделана попытка изучить случаи присоединения государств, когда территория государства-продолжателя увеличивается за счет вхождения всей территории государства-предшественника в его состав.

Материалы и методы

Основным источником для написания данной статьи стали результаты научных работ в области правопреемства государств в отношении международно-правовой

ответственности, международно-правовая практика государств, а также ряд международных договоров и судебных прецедентов. В ходе исследования использовались как общенаучные методы познания, так и частноправовые методы (исторический, формально-юридический, системно-исторический, метод сравнительного правоведения).

Обсуждение

Анализ международно-правовой практики государств и судебной практики в области ответственности государств за совершения государством-предшественником международного противоправного деяния будет произведен в данной работе по следующим шести типам правопреемства: присоединение государства к другому государству; объединение государств; распад государств; отделение государства; создание новых независимых государств, и цессия или переход территории.

Несмотря на то, что в международно-правовой доктрине имеются различные классификации типов правопреемства государств, мы предпочитаем придерживаться данной типологии, которая также имеет немало приверженцев [1. С. 113; 2. С. 298-299; 3. С. 62]. Институт международного права в своем проекте резолюции, озаглавленной: “Правопреемство государств по вопросам ответственности государств” придерживается идентичной типологии [4].

а) Присоединение государств

Рассматривая случаи присоединения государств следует, прежде всего, подразделить эти случаи на две группы, которые мы рассмотрим отдельно друг от друга, и попробуем вывести единое правило для каждой из этих групп:

1. Случаи аннексии государств, когда присоединение происходит с помощью применения силы, и,
2. Современные случаи присоединения государств, основанные на взаимном согласии.

1. В результате установления всеобщего запрета на применение силы или угрозы силой, в соответствии с Уставом ООН (статья 2(4)) [5] аннексия территории является незаконной [6]. В шестой статье Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. особо отмечено, что “Конвенция применяется только к последствиям правопреемства государств, которое осуществляется в соответствии с международным правом и, в особенности, в соответствии с принципами международного права, воплощенными в Уставе Организации Объединенных Наций” [7; 8]. Тем самым, Венские Конвенции не применимы к случаям аннексии.

Тем не менее, следует рассмотреть некоторые случаи аннексии государств и возникшие в их результате споры по отношению к правопреемству. Практика государств касательно случаев аннексии однообразна и свидетельствует о том, что государство правопреемник не несет ответственности за обязательства, возникающие в результате совершения государством-предшественником международного противоправного деяния. Данная точка зрения поддерживается также в международно-правовой доктрине [9. С. 632; 10. С. 437].

Объединение Италии (1860–1861 гг.), как свидетельствует международно-правовая доктрина, представляет собой череду аннексий Королевством Пьемонт-Сардиния [11. С. 340]. В результате данного процесса возникло немалое количество судебных дел, решения по которым согласно С. Херсту “не поддерживают предположение о том, что государство, аннексирующее территорию, должно нести ответственность, возникающую в результате международных противоправных деяний, совершенных правительством, которое прекратило свое существование” [12. С. 176-177].

К перечню подобных судебных решений можно отнести решение Кассационного суда Рима 1885 года, которое установило, что до тех пор, пока государство-предшественник отказывается признавать какую-либо ответственность за совершенное противоправное деяние, Италия (государство-правопреемник) не должно нести какую-либо ответственность [12. С. 176-177].

Апелляционный суд Флоренции в своем решении по делу Вальтер против Военного министра (Walter vs War Minister) установил, что принцип правопреемства обязательств возникших в результате международного противоправного деяния содержит в себе лишь “моральное обязательство” [13. С. 133].

Апелляционный суд Венеции, в свою очередь, по делу Орти-Манара против правительства Италии и правительства Австрии (*Orti-Manara v. Italian Government and Austrian Government*) решил, что последствия экспроприации земель, совершенной Австрией, не должны перейти к Италии [14].

В то же время Кассационный суд Флоренции в решении по делу Орчези против Военного министерства (*Orcesi v. The Ministry of War*) постановил, что Итальянское правительство обязано выплатить компенсацию за вред, причиненный до момента правопреемства, и за который государство-предшественник (Парма) уже признала свою ответственность (но пока не выплатила компенсацию). Херст объясняет данное решение тем, что “требование было принято (государством-предшественником), и, тем самым, превратилось в долг” [12. С. 176-177].

В 1886 году Бирма была аннексирована Великобританией и вошла в состав Британской Индии. После аннексии Франция и Италия предъявили требования Великобритании (как государству-правопреемнику) за международные противоправные деяния, совершенные правительством Бирмы против граждан этих стран в ходе войны, которая имела место непосредственно перед аннексией. Великобритания отказалась нести ответственность за деяния, совершенные государством предшественником, основываясь на правовом мнении Солиситора Правительства Британской Индии, в котором он отметил, что не был осведомлен “о какой-либо норме права, согласно которой новое правительство ответственно за убытки, явившиеся результатом бесчинств, совершенных прошлым правительством во время военного положения”.

Тем не менее, следует отметить, что были осуществлены некоторые выплаты итальянскому гражданину, но лишь на основе *ex gratia*, без принятия ответственности [12. С. 171].

Бурская Республика была аннексирована Британской Империей в 1902 году в результате Англо-Бурской войны 1899–1902 гг. В контексте данной аннексии также имеется ряд примеров международно-правовой практики, а также судебное решение. В одном случае английская компания являлась концессионером и Бурская Республика имела долг по отношению к данной компании согласно решению суда [15. С. 487-488]. После аннексии компания заявила, что британское правительство должно взять на себя этот долг. Британское правительство заявило, что данный долг является деликтным, и, следовательно, оно не признает никакой ответственности. В международно-правовой доктрине также упоминается об аналогичном ответе Британского правительства на требования итальянской компании [15. С. 487-488].

На рассмотрении Высокого суда справедливости Великобритании было дело *West Rand Central Gold Mining Company v. The King*. Истцом в этом деле выступала компания, которая владела золотой шахтой в Республике Трансвааль (Южно-Африканская республика). До начала англо-бурской войны золото, добытое в этой шахте, было конфисковано властями Республики. Истец утверждал, что Республика обязана вернуть ему конфискованное золото или же его стоимость. Он также утверждал, что в результате завоевания и аннексии Республики Трансвааль Великобританией, данное обязательство лежит на государстве-правопреемнике, согласно презумпции перехода обязательств [12. С. 173]. Представитель Великобритании возразил, что, “не существует принципа международного права, согласно которому государство завоеватель *ipso facto* становится обязанным выполнять все контрактные обязательства завоеванного государства”.

Лорд Главный Судья Алверстоун отметил, что предложение, представленное истцом, о том, что, “согласно международному праву государство-завоеватель обязано выполнить обязательства завоеванного государства” не может получить поддержку. Он добавил: “При заключении мира завоеватель может поставить любые условия, которые он считает удобными для соблюдения финансовых обязательств завоеванного государства, и полностью в его распоряжении выбрать в каком объеме он возьмет на себя это обязательства”. Решение было обобщено в введении дела: Не существует принципа международного права, согласно которому после аннексии завоеванной территории государство-завоеватель становится ответственным за выполнения финансовых обязательств завоеванного государства, приобретенных до развязывания войны, за исключением случаев отсутствия прямой оговорки об обратном.

Самым значимым спором, возникшим в связи с аннексией Великобританией Бурской Республики было дело R.E. Brown, рассмотренное Арбитражной комиссией США и Великобритании. Оно касалось американского гражданина, который в 1895 году подал около 1200 заявок для концессии золотых шахт в Бурской республике когда она была независимой. Правительство республики позже сделала три объявления, которыми она отклонила заявки господина Брауна на эти концессии. Браун утверждал, что он был лишен своих законных прав. В дальнейшем он подал иск в Высший Суд Бурской Республики, но потерпел неудачу.

После аннексии Британией Бурской республики в 1902 году, в 1903 году Соединенные Штаты предъявили Великобритании иск в защиту своего гражданина. Великобритания полностью отказалась от какой-либо ответственности за указанное международное противоправное деяние. В своем письме, адресованном послу Соединенных Штатов, Лорд Лэнсдоун, являющийся Министром иностранных дел Британии, заметил, что он “не был осведомлен” о каком-либо правиле международного права, по которому “государство-завоеватель берет на себя ответственность за правонарушения, совершенные правительством завоеванного государства и любое такое истолкование видится не состоятельным в принципе” [16]. Лишь спустя 20 лет данное требование было вынесено на рассмотрение Арбитражной комиссии США и Великобритании, которая была создана в 1910 году с целью рассмотрения финансовых споров между двумя странами, сопутствующих Англо-Бурской войне (1899-1902гг.) [17].

Следует отметить, что Соединенные Штаты не приводили четко и определенно в качестве аргумента, принцип правопреемства международно-правовой ответственности, с целью убедить Арбитражную Комиссию в том, что Великобритания должна взять на себя ответственность Бурской республики. В начале процесса США приводил данный аргумент, как это видно из нижеуказанного абзаца письменного заявления.

“Поскольку Великобритания завоевала территорию Южно-Африканской республики целиком и полностью, стала ее преемником и обладает полным суверенитетом последней, тем самым сместив и заменив Южно-Африканскую республику, которая в результате этих действий прекратила свое существование, Великобритания обязана выплатить долги более не существующей республики, особенно если такие долги являются таковыми в результате судебного решения” [12. С. 164].

Позже, однако, Соединенные Штаты отказались от этого аргумента, заявив, что “нет такой нормы международного права, согласно которой государству-завоевателю переходят по наследству все обязательства завоеванного государства” [12. С. 165]. Вместо этого США строили свою позицию на так называемых “приобретенных правах” господина Брауна, которые Великобритания обязана уважать после аннексии Южно-Африканской республики. Прочитируем соответствующий абзац:

“Международное право требует, чтобы в случаях, когда одно государство завоевывает другое, государство-завоеватель было обязано уважать и защищать личные и имущественные права в завоеванном государстве” [18. С. 165].

Соединенные Штаты также утверждали, что Великобритания должна нести ответственность за действия, совершенные своими официальными лицами против господина Брауна. И, наконец, Соединенные Штаты утверждали, что Великобритания должна нести ответственность за действия, совершенные местными властями Бурской республики, ввиду особого отношения сюзеренства, которое Великобритания имела в регионе на момент совершения данных действий.

Точка зрения Великобритании заключалась в том, что г-н Браун на самом деле никогда не приобретал таких прав в результате совершения местными властями Бурской республики международного-противоправного деяния. Великобритания также объявила, что на момент совершения данных деяний она не имела контроль над местными властями Южно-Африканской республики и тем самым не может нести ответственность, возникшую в результате совершения международных противоправных деяний этими властями.

Сэр Сесил Херст, выступающий в роли представителя Великобритании в данном процессе, заявил, что Великобритания также рассматривает вопрос перехода последствий международной ответственности и заявил, что “предположение, что при таких обстоятельствах ответственность подлежит переходу не может быть состоятельным, ни одна

норма международного права не содержит такого принципа, и такой принцип будет противоречить справедливости и здравому смыслу.” Основная позиция Великобритании касательно всего вопроса изложена в ее письменном ответе:

“В течение периода, когда Браун был вовлечен в сложности с властями Южно-Африканской Республики, эта страна была свободным и независимым государством. Для того, чтобы доказать право Брауна на получение компенсации от Великобритании, Соединенные Штаты должны не только показать, что Южно-Африканская сторона имела обязательство выплатить соответствующую компенсацию за вред, причиненный Брауну, но и то, что обязательство осуществления такой выплаты после аннексии переходит от правительства завоеванного государства к государству-завоевателю.” [Основным теоретическим аргументом Великобритании в поддержку их точки зрения, касательно неправопреемствования, была основана на доктрине римского права о личном характере “деликтов (*actio personalis moritur cum persona*).]

“Мне нет нужды напоминать вам, что до сих пор, согласно Римскому праву, правопреемник никогда не был ответственным за правонарушения; согласно нашему Английскому и Американскому праву правопреемник никогда не был ответственным за правонарушения, или же в виде крайне редких исключений, таких редких, что можно сказать, что правопреемник никогда не несет ответственность за правонарушения скончавшегося лица. Ответственность за правонарушения умирают вместе с человеком, и, мне кажется, будет экстраординарным, если окажется, что в международном праве окажется норма, которая не существует, когда речь идет о внутригосударственном праве касательно индивидов” [19].

Великобритания обобщила свою позицию по данному вопросу следующим образом: “Не существует нормы международного права налагающей ответственность за противоправное деяние правительства более не существующего государства правительству государства, которое аннексировала и завоевала эту территорию. Такая теория не имеет поддержки в практике, не созвучна с принципами и по сути может привести к проблемам” [15. С. 489].

Арбитражная Комиссия пришла к заключению, что власти Бурской республики действительно нарушили права господина Брауна. Далее Комиссия придерживалась аргументов Великобритании, решила, что господин Браун пострадал от “отказа в правосудии” со стороны правительства Южно-Африканской республики, но не со стороны британских властей после аннексии. Арбитражная Комиссия также отвергла заявления США об отношениях сюзеренства Великобритании и Южно-Африканской республики. В результате было принято решение об отказе в компенсации.

В своем решении Арбитражная Комиссия заявила: “...Если бы не было войны, или аннексии со стороны Великобритании, или если бы данный процесс был направлен против Южно-Африканской республики, у нас бы не было трудностей по присуждению возмещения вреда истцу... Столь же ясно, что эта ответственность никогда не может перейти к Британскому правительству. Ни в договоре о мире, подписанном при капитуляции бурских войск, ни при объявлении об аннексии нельзя встретить какое-либо положение, касающееся принятия на себя Великобританией ответственности такого типа” [20. С. 129].

Важность данного решения заключается в том, что оно было одним из первым в котором были рассмотрены вопросы правопреемства государств в отношении обязательств, возникших в результате совершения международного противоправного деяния. Как утверждал Сессил Херст, выступающий в роли представителя Великобритании в данном процессе, данное решение “показывает, что ответственность за правонарушение правительства бывшего государства не переходит к государству-завоевателю, аннексировавшему территорию бывшего государства” [12. С. 165; 21. С. 85].

Однако, значение придаваемое данному судебному решению в контексте поддержки принципа неправопреемствования государств в отношении международной ответственности нивелируется двумя следующими факторами. Во-первых истец (Соединенные Штаты) не аргументировал свою позицию наличием какого-либо принципа неправопреемствования. Позиция арбитражной комиссии по этому вопросу довольно четкая: “здесь не обсуждается какой-либо вопрос правопреемства государств” [20. С. 129]. Еще одним важным фактором является то, что вышеуказанный отрывок, якобы поддерживающий принцип

неправопреемствования на самом деле не более чем *obiter dictum*, в котором арбитражная комиссия всего лишь отмечает, что не может поддерживать доктрину, основанную на “суждении, что государство-правопреемник, приобретающее территорию путем завоевания, никоим образом не заявившее о готовности взять на себя ответственность, обязано предпринять шаги на исправление ошибок бывшего государства” [20. С. 130]. Иными словами, Арбитражная комиссия не решала спор, прибегая к доктрине неправопреемствования по отношению к международно-правовой ответственности.

Спустя некоторое время та же Арбитражная комиссия была вынуждена рассмотреть идентичное дело, в котором вышеуказанные истец и ответчик поменялись местами. Дело Рэдварда, более известное как дело Гавайских требований, касалось группы британских подданных, которые были незаконным образом арестованы и высланы из Гавайи “Республикой Гавайи” в 1895 году, до того как острова были присоединены к Соединенным Штатам в 1898г. Великобритания использовала дипломатическую защиту своих граждан и потребовала от “Республики Гавайи” возмещения убытков. Данное требование было отклонено 17 декабря 1897 года. После аннексии Великобритания предъявила аналогичное требования, в этот раз по отношению к США. Данное требования также было отклонено в 1898 году. В конечном счете, в 1925 году, дело было передано на рассмотрение Арбитражной комиссии [22. С. 157].

Великобритания не пыталась выстроить свою позицию в контексте правопреемства в отношении ответственности: “...очень мало оснований в практике государств и доктрине по вопросу обязательств, возникающих в результате деликтов” [23. С. 94]. Скорее они отталкивались в своей позиции от принципов равенства и справедливости “действительно в высшей степени не правильно и не справедливо, что все обязательства должны просто испариться” [23. С. 92].

Важнейшим аргументом, приводимым Великобританией в поддержку ее позиции касательно перехода обязательств, возникших в результате международного противоправного деяния, явилось то, что данное дело нельзя отождествлять с делом *R.E. Brown*, так как, если в случае с Южно-Африканской республикой имела место “вооруженная аннексия”, то в данном случае речь идет о “добровольном вхождении в состав” Соединенных Штатов. Согласно точке зрения британского правительства, в случае “добровольного вхождении в состав”, принцип правопреемства в отношении обязательств, возникающих в результате совершения международного-противоправного деяния должен быть признан: “Я предполагаю, что приобретая территорию Гавайи Соединенные Штаты приобрели вместе с ней и обязательства, которые имелись у Гавайи. Я считаю, что в случаях подобно этому, когда имело место добровольное объединение двух государств в одно, все обязательства должны переходить, независимо от того являются ли они договорными либо возникли в результате деликтов” [23. С. 91].

Соединенные Штаты, в свою очередь, заявили, что “не существует какой-либо нормы международного права, определяющей ответственность государства, которое присоединило другое государство.” [18. С. 95]

Арбитражная комиссия, не признала аргументацию Британии и пришла к следующему заключению: “Мы не можем принять предложенное разграничение. В первую очередь, это предполагает наличие общего принципа правопреемства в отношении обязательств, возникающих в результате деликтов, в котором будут предусмотрены в качестве исключения случаи правопреемства при завоевании одного государства со стороны другого. Мы считаем, что не существует подобного принципа. Такой принцип был опровергнут в деле Брауна и нигде нельзя встретить его подтверждения. Мы не видим оснований разграничивать исчезновение правовой единицы путем завоевания от любого иного способа исчезновения, поглощения или присоединения другой правовой единицей. Во всех случаях когда исчезает правовая единица, совершившая правонарушение, ответственность за нее исчезает вместе с ней” [24. С. 158].

Арбитражная комиссия последовала своему собственному прецеденту по делу *R.E. Brown*, и в *obiter dictum* заявила, что нет общего принципа правопреемства в отношении ответственности, возникающей в результате совершения международного противоправного деяния. Комиссия решила, что Соединенные Штаты (как государство-правопреемник) не могут нести ответственность по обязательствам за совершения международного

противоправного акта, совершенного субъектом права, который прекратил свое существование [24. С. 158].

Мы считаем, что Арбитражная комиссия должна была признать Соединенные Штаты ответственными за действия, совершенные “Республикой Гавайи”, по двум нижеуказанным причинам, которые вовсе не были затронуты во время рассмотрения.

Во-первых, факт, что международное противоправное деяние было совершено не независимым государством-предшественником, а, так называемой, “Республикой Гавайи”, марионеточным государством США, которое пришло к власти в результате переворота 1893 года. Гавайи были независимым государством вплоть до их аннексии в 1898 году. В 1893 году, группа заговорщиков под руководством граждан США и при покровительстве военных представителей США провозгласили создание “временного” правительства, без поддержки со стороны местного коренного населения. [25. С. 655–684]. Конечной целью заговорщиков являлось присоединение островов к Соединенным Штатам. Новоизбранный президент США признал незаконность данных действий и призвал к восстановлению гавайской монархии. Вопреки официальной позиции США, “временное” правительство провозгласило себя “Республикой Гавайи” в 1894 году и, в конце концов, было признано в качестве правительства *de facto* правительством Соединенных Штатов. 6 июля 1898 года конгресс США принял совместную резолюцию, которая была на следующий день подписана президентом МакКинли, и согласно которой “Республика Гавайи” присоединилась к Соединенным Штатам.

Факт, что международное противоправное деяние совершено “Республикой Гавайи” Арбитражной комиссией не подвергается сомнению. [24. С. 159]. На момент совершения вышеуказанных деяний, Соединенные Штаты, несомненно, имело политическое влияния на «марионеточное» правительство. Согласно статье 17 статей об ответственности государств за международные противоправные деяния Комиссии международного права «Государство, которое руководит другим государством и осуществляет контроль над ним в совершении последним международно-противоправного деяния, несет международную ответственность за данное деяние» [26]. Данный принцип права, несомненно существовал на момент совершения вышеуказанного международного противоправного деяния (конец XIX века). Таким образом, Соединенные Штаты должны были нести ответственность за действия, совершенные так называемой “Республикой Гавайи” против британских граждан на основе применения основных принципов ответственности государств.

В современных случаях присоединения государств, основанных на взаимном согласии, большинство авторов склоняется к подходу, что государство правопреемник должно нести ответственность за международные противоправные деяния, совершенные государством-правопреемником [27. С. 67-69]. В таких случаях право на компенсацию третьего государства должно уважаться государством-правопреемником [27. С. 33]. Государство-правопреемник не должно получать выгоду от прав государства-предшественника, без соразмерного принятия на себя международных обязательств последнего [28. С. 155; 29. С. 2206]. В конечном счете, любой иной подход приведет к несправедливому результату, когда международное-противоправное деяние останется безнаказанным и государство, ставшее жертвой подобного деяния не будет иметь “должника”, кому можно было бы предъявить требование. В подтверждение принципа правопреемствования рассмотрим пример объединения двух германских государств (ГДР и ФРГ).

31 августа 1990 года между Федеративной Республикой Германия и Германской Демократической республикой был подписан Договор о создании Германского Единства, закрепляющий объединение двух стран 3 октября 1990 года. С этой даты ГДР прекращает свое существование в качестве независимого государства и 5 земель, составляющих его территорию присоединяются к уже существующей ФРГ. Иными словами, Германская Демократическая Республика вступила в состав Федеративной Республики Германия. Несмотря на то, что касательно данного процесса часто встречается термин “объединение” или “воссоединение”, на самом деле, с правовой точки зрения, Германия является примером присоединения государств. Данный подход выражается в международно-правовой доктрине [30. С. 33; 31. С. 351-352].

Статья 24 Договора о создании Германского Единства содержит следующее положение: “В той мере, в какой они вытекают из монополии на внешнюю торговлю и

иностранную валюту или от исполнения других государственных задач Германской Демократической Республикой по отношению к иностранным государствам и Федеративной Республике Германия до 1 июля 1990 года, урегулирование требований и обязательств, остающихся на момент вступления в силу присоединения, должны исполняться в соответствии с инструкцией и под наблюдением Федерального Министра Финансов...”[32. С. 457].

Данное положение указывает на то, что Федеративная Республика Германия может взять на себя требования третьих государств, содержащие “требования и обязательства”, возникшие в результате осуществления ГДР “государственных задач”. Многие ученые комментируют данное положение как согласие Федеральной Республики Германия нести ответственность за обязательства, возникающие в результате совершения Восточной Германией международных противоправных деяний [31. С. 381; 29. С. 2177; 33. С. 534].

На момент “объединения” имелась одна серьезная правовая проблема, касающаяся множества случаев экспроприации и национализации собственности, которая проводилась на территории Восточной Германии на протяжении многих лет. При этом такие действия совершались как со стороны нацистского режима и Советским Союзом во время военной оккупации (1945–1949 гг.), так и со стороны ГДР после 1949 года. На протяжении десятилетий ГДР отказывалась выплачивать компенсацию за подобные акты.

29 июня 1990 года Германская Демократическая Республика приняла Закон о регулировании открытых вопросов собственности (Закон о Собственности) [34]. Данный Закон о Собственности, который в последующем стал частью немецкого законодательства, закреплял, что собственность, которая была конфискована, экспроприирована или иным образом отобрана властями ГДР (1949-1990гг.) должна быть возвращена своим прежним собственникам.

15 июня 1990 года ФРГ и ГДР приняли Совместную декларацию о регулировании вопросов права собственности. Третья часть Совместной декларации гласила, что имущество, конфискованное после 1949 года должно быть возвращено своим прежним собственникам. Однако, согласно первой части Совместной декларации имущество, которое было экспроприировано на территории ГДР в период Советской военной оккупации (1945-1949гг) не подлежало реституции. Законность данной нормы рассматривалось Конституционным судом Германии в решении о “Земельной реформе” от 23 апреля 1991 года[35]. Согласно данному решению “объединенная” Германия не может нести ответственность за действия, совершенные Советским Союзом.

Вопрос о правопреемстве в отношении актов экспроприации, совершенных Восточной Германией, был также рассмотрен в решении Федерального Административного Суда от 1 июля 1999 года. Суд постановил, что, учитывая то обстоятельство, что экспроприированное имущество теперь является имуществом “объединенной” Германии, следовательно невыполненные обязательства ГДР по выплате компенсаций потерпевшим перешли к государству-правопреемнику[36].

Данные правовые акты, которые были приняты ГДР и, в последствии были инкорпорированы в законодательство “объединенной” Германии, являются примерами принятия на себя государством-правопреемником обязательств, возникших в результате совершения международных-противоправных деяний государством-предшественником с 1949 года по 1990 год. Противоправные деяния являются международными, так как собственниками экспроприированного имущества являлись не только граждане Германии, но и иностранные граждане, и данные акты касаются в том числе и иностранцев.

В течении долгих лет между США и ГДР имелись неразрешенные вопросы касательно экспроприации имущества граждан США на территории бывшей ГДР. В Комиссию разрешения иностранных требований США были предъявлены порядка 1900 требований о компенсации за имущество, отобранное со стороны ГДР [37. С. 651].

Вопрос оставался неразрешенным до 13 мая 1992 года, когда между Федеративной Республикой Германия и Соединенными Штатами Америки было подписано соответствующее соглашение [38]. В соответствии с вышеуказанным соглашением Федеративная Республика Германия (государство-правопреемник) выражает свою готовность обеспечить выплату компенсаций за обязательства, возникшие в результате

совершения Германской Демократической Республикой международных противоправных деяний, с целью восстановить права граждан Соединенных Штатов.

Заключение

Исследование практики государств в отношении присоединения государств показало, что более ранние случаи (которые следует рассматривать как случаи аннексии) поддерживают принцип, согласно которому государство-правопреемник не несет ответственность за обязательства, возникающие в результате международного противоправного деяния, совершенного государством-предшественником. Данный принцип неправопреемствования отражается в практике государств, в решениях внутригосударственных судов и в двух решениях Арбитражного трибунала. Анализ современных примеров касательно объединения Германии показал, что современная практика поддерживает принцип, согласно которому государство-правопреемник несет ответственность за обязательства, возникающие в результате международного противоправного деяния, совершенного государством-предшественником.

References:

1. Brigitte STERN, "La succession d'Etats", R.C.A.D.I., t. 262, 1996.
2. Vladimir D. DEGAN, "Creation et disparition de l'Etat (a la lumiere du demembrement de trois federations multiethniques en Europe)", R.C.A.D.I., t. 279, 1999.
3. Patrick Dumberry, *State succession to International Responsibility*, volume 6, Martinus Nijhoff publishers, Leiden Boston 2007.
4. Institut de Droit international "State Succession in matters of State Responsibility" (the 14th Commission), Draft Resolution, Part Three.
5. Charter of the United Nations, article 2, <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter1.shtml>.
6. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations, <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm>.
7. Vienna Convention on Succession of States in respect of Treaties (1978), art. 6 http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/3_2_1978.pdf.
8. Vienna Convention on Succession of States in respect of State Property, Archives and Debts (1983), art.3 http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/3_3_1983.pdf.
9. Ian BROWNLIE, *Principles of Public International Law*, 6th ed., Oxford, Clarendon Press, 2003.
10. Charles Cheney HYDE, *International Law Chiefly as Interpreted and Applied by the United States*, vol. I, 2nd ed., Boston, Little, Brown & Co., 1945.
11. Charles ROUSSEAU, *Droit international public*, vol. III (Les compétences), Paris, Sirey, 1977.
12. Sir Cecil J.B. HURST, "State Succession in Matters of Tort", 5 *British Y.I.L.*, 1924.
13. *Walter v. Minister of War*, decision of 1871 by the Court of Appeal of Florence // *Monitore dei tribunali*. 1872.
14. *Orti-Manara v. Italian Government and Austrian Government*, decision of 1877 by the Court of Appeal of Venice, in: *Giurisprudenza Italiana*, vol. 30, Pt. 1, Sec. 2, column 1.
15. D.P. O'Connell, *State Succession in Municipal Law and International Law*, vol. I, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1967.
16. Letter of Lord Lansdowne, Chief of the British Foreign Office, to the U.S. Ambassador, в: Fred K. NIELSEN, *American and British Claims Arbitration*, Washington, G.P.O., 1926, p. 197.
17. Special Agreement for the Submission to Arbitration of Pecuniary Claims Outstanding between the United States and Great Britain, signed at Washington on 18 August 1910, в: Fred K. NIELSEN, *American and British Claims Arbitration*, Washington, G.P.O., 1926, p. 3.
18. Fred K. NIELSEN, *American and British Claims Arbitration*, Washington, G.P.O., 1926.
19. Synopsis of Argument in behalf of Great Britain, R.E. Brown Case, in: Fred K. NIELSEN, *American and British Claims Arbitration*, Report, Washington, G.P.O., 1926, pp. 183, 185–186.
20. R.E. Brown (*United States v. Great Britain*), Award of 23 November 1923, U.N.R.I.A.A., vol. 6.

21. Jean Philippe MONNIER, "La succession d'Etats en matière de responsabilité internationale", 8 A.F.D.I., 1962.
22. F.H. Redward and others (Great Britain) v. United States, Award of 10 November 1925, U.N.R.I.A.A., vol. 6, p. 157.
23. Synopsis of the Argument of Counsel for Great Britain, Hawaiian Claims Case, in: Fred K. NIELSEN, American and British Claims Arbitration, Report, Washington, G.P.O., 1926, pp. 87 et seq.
24. Hawaiian Claims case (Great Britain v. United States), Award of 10 November 1925, U.N.R.I.A.A., vol. 6.
25. Patrick DUMBERRY, "The Hawaiian Kingdom Arbitration Case and the Unsettled Question of the Hawaiian Kingdom's Claim to Continuity as an Independent State under International Law", 2 Chinese J.I.L., 2002.
26. Commentaries to the Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts Adopted by the International Law Commission at its Fifty-Third Session (2001), November 2001, Report of the I.L.C. on the work of its Fifty-third Session, Official Records of the General Assembly, Fifty-sixth Session, Supplement No. 10 (A/56/10), ch. IV.E.2) http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf.
27. Miriam PETERSCHMITT, La succession d'Etats et la responsabilité internationale pour fait illicite, Mémoire de DES, Université de Genève/Institut Universitaire de hautes études internationales (Switzerland), 2001.
28. Paul REUTER, Droit International Public, 4th ed., Paris, P.U.F., coll. Themis, 1973.
29. VOLKOVITSCH, Michael John, "Righting Wrongs: Toward a New Theory of State Succession to Responsibility for International Delicts", 92(8) Colum. L.Rev., 1992.
30. Kay HAILBRONNER, "Legal Aspects of the Unification of the Two German States", 2(1) E.J.I.L., 1991.
31. Stefan OETER, "German Unification and State Succession", 51(2) Z.a.o.R.V., 1991.
32. Treaty on the Establishment of German Unity, 31 August 1990, in: 30 I.L.M., 1991.
33. Peter E. QUINT, "The Constitutional Law of German Unification", 50 Md.L.Rev., 1991.
34. Law for the Settlement of Open Property Questions (Property Act) in: BGBI., 1990, vol. II, p. 1159.
35. Land Reform, German Federal Constitutional Court (First Senate), 23 April 1991 // BVerfGE 84, 90.
36. German Federal Administrative Court, Decision of 1 July 1999, BVerwG 7 B 2.99, reprinted in: 52 NJW, 1999, p. 3354.
37. W.K. Wilburn, "Filing of U.S. Property Claims in Eastern Germany", Int'l Law. 1991.
38. Agreement between the Government of the Federal Republic of Germany and the Government of the United States of America Concerning the Settlement of Certain Property Claims, 13 May 1992 // T.I.A.S. no. 11959; 1911 U.N.T.S., 27.

УДК 341.01

Вопросы ответственности государств за совершения государством-предшественником международного противоправного деяния

Эдуард Самвелович Саргсян

Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения
Ереван, 0051, ул. Овсепя Эмина, 123
Аспирант
E-mail: eduard.s.sargsyan@gmail.com

Аннотация. В данной статье были рассмотрены вопросы преемства в отношении международно-правовой ответственности, возникшей в результате совершения государством-предшественником международного противоправного деяния, в контексте присоединения государств. Проведен анализ международно-правовой практики и

прецедентного права по данному типу правопреемства, выявлены две группы случаев присоединения: случаи аннексии государств, когда присоединение происходит с помощью применения силы, и современные случаи присоединения государств, основанные на взаимном согласии. В статье детально рассмотрены судебные прецеденты возникшие в результате процесса Объединения Италии, работа Арбитражной комиссии между США и Великобританией по делу R.E. Brown и делу Гавайских требований, особое внимание уделено Объединению Германии. В работе обозначены основные тенденции и особенности правопреемства в отношении международно-правовой ответственности по двум группам присоединения государств.

Ключевые слова: Правопреемство государств, международно-правовая ответственность, международное противоправное деяние, присоединение государств